

СЛЕД СОКОЛА
КНИГА ВТОРАЯ
ТОМ ВТОРОЙ

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ
СЛАВЕНА

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

След Сокола

Сергей Самаров

**Последний день
Славена. Том второй**

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Последний день Славена. Том второй / С. В. Самаров — «Автор», 2014 — (След Сокола)

Вторая книга серии «След Сокола» рассказывает об отношениях между двумя славянскими князьями – Годославом и Гостомыслом. Первого, старшего по возрасту, история называет отцом будущего основателя династии русских князей и царей Рюрика, второго же, младшего, в рукописях называют дедом Рюрика. Каждая из этих исторических личностей известна по-своему, но, не будь между двумя князьями дружбы, история России, возможно, предстала бы иначе... Наряду с известными по первой книге цикла героями, такими, как король франков Карл Великий и его ближайшее окружение, помощники Годослава, князь-воевода Дражко и волхв Ставр с подчинёнными ему разведчиками, читатель познакомится и с новыми героями, восточными и западными славянами, такими, как отец Гостомысла неукротимый князь Буригой, варяжский князь Войномир, будущий князь острова Руян и Поморского княжества, впоследствии один из лучших полководцев Карла Великого, покоритель грозных аваров, и с другими. Хронологически действие происходит через три с половиной года после событий первой книги. Карл Великий сначала окончательно присоединил к своему королевству Баварию, а потом, прежде, чем вступить в серьёзную, на его взгляд, и долговременную войну против постоянной угрозы для всей Европы с юго-востока – Аварского каганата, решил обеспечить себе спокойствие в тылах. Для этого Карлу было необходимо окончательно усмирить ненадёжную Саксонию, и покончить с княжеством вагров, в котором правил князь Бравлин Второй. Но, чувствуя устремления Карла, поднимала голову и обеспокоенная Византия. Византии много неприятностей доставлял Аварский Каганат, висевший над северными греческими провинциями постоянной угрозой. Тем не менее, если сменить одного опасного соседа на другого, не просто опасного, но и страшного своей силой, упорством и организованностью – на королевство франков, угроза станет стократ сильнее... Это в Константинополе прекрасно понимали...

© Самаров С. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	42
Глава восьмая	49
Глава девятая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Самаров
Последний день Славена. След
Сокола. Книга вторая. Том второй

© Самаров Сергей Васильевич, 2014

* * *

Глава первая

Стук раздался требовательный.

– Сейчас... Да, сейчас же... Иду... Кого там ещё в такую пору несёт? – дворовый человек не сразу проснулся, и оттого ворчал больше, чем ему обычно позволялось. А ворчать-то вообще было бы не след, потому что положение города знали все без исключения, даже дети малые, а человеку пожилому вообще положено понятие иметь.

Дверь заскрипела с натугой, словно створки за ночь напрочно приморозило к косякам, и их пришлось с усилием, с увесистым тычком открывать.

– Воевода где?

– Почивает... – ответ сопровождался ленивым зевком. – Где ж ему ещё быть...

– Буди его быстрее... Да, быстрее же, рыло сонное! Встряхни старыми костями, не то я тебе их сейчас переломаяю...

Не слишком и громкий, но внятный шум у входных дверей воевода Первонег услышал сразу, потому что спал всегда настороженно, а в эти опасные ночи особенно, если вообще можно назвать сном то, что, по сути своей являлось полудрёмой. Сначала стук, потом торопливый и возбужденный разговор – всё это будит сразу и окончательно. А когда раздались шаги на лестнице, ведущие к нему на второй этаж, воевода Славена был уже на ногах, и успел облачиться в плотные льняные одежды, которые и следует поддевать под доспех, чтоб в кровь не стереть кожу на плечах. Но сам доспех надеть пока не успел.

– Кто там? – хриплым со сна баском спросил Первонег через дверь ещё до того, как постучали.

– Первуша, от ворот дружинник... Торопит что-т... – дворовый человек всё ещё, похоже, не проснулся, и потому говорил лениво, с растяжкой, не слишком, кажется, угрозу Первуши испугавшись.

– Сюда живо води... И сам поторопись, рыло растопыренное... Поторопись!

Когда дворовый человек вернулся с городским дружинником Первушей, воевода Первонег уже пристегнул даже нагрудную пластинчатую броню, и мечом поверх кольчуги опоясывался. Он всегда был быстр и лёгок на подъём, на годы свои не смотря, а в такое тревожное время уж тем паче понимал, как может быть дорога потерянная минута и во что она может оборотиться для слабого городского войска.

Дружинник шагнул за порог, и остановился, давая возможность воеводе закончит сборы.

– Что там? – спросил Первонег сразу, одновременно взглядом отыскивая тёплый меховой подшлемник и стальные кольчужные рукавицы, которые одеваются поверх рукавиц меховых.

Только после вопроса Первуша вперёд шагнул.

– Гонец от Вадимира.

– Добро, что не забывает, княжич, пока сам, должно не прибыл к месту. Иль так скоро прибыл? Никак, летать научился...

– Не ведомо то нам. Но...

За тоном Первуши слышалось нечто тревожное.

– Что?

– Перехватили гонца в пути, еле вырвался. Без коня, у смердов в деревушке клячу забрал, и, раненый, пообмороженный, до нас добрался-таки. Весть, стало быть, недобрая. Варяги бьярминские, по времени, уже должны стать под городом. В пути они княжичу встретились.

– Эх же... – воевода себя нелёгким кулаком в ладонь тыкнул. – Этого-то я и ждал. Где гонец? – сонная хрипотца из голоса не ушла совсем, и оттого дружиннику казалось, что воевода сильно сердается, и в сердцах на него покрикивает.

Первуша кашлянул в кулак.

– У ворот, в сторожке. Пообморозился, говорю. Сухой крапивой его там отдирают, да салом барсучьим трут. Ни рук не чувствует, ни ног.

– Идём. А ты, – повернулся к дворовому человеку, – хватит спать, дом протопи, пора уже. Я под двумя перинами промёрз, каки в голой кольчуге.

Воевода на ходу прихватил меховой плащ, и набросил себе на плечи уже на лестнице. Торопился, потому что любая неторопливость могла быть губительной.

* * *

Черноусый Белоус сумел-таки пробиться сквозь заслоны, выставленные воеводой Далятой на всех дорогах. Не то, чтобы по-настоящему пробиться, потому что биться он, после встречи с гонцом Славера, ни с кем не в состоянии был, а пробраться, себя, боль, мороз, усталость преодолевая, и варягов обходами обманывая, сумел. Наученный первой встречей, и не надеясь найти во всём варяжском войске второго такого милостивого противника, как Волынec, Белоус присматривался к дороге впереди. И первый же попавшийся заслон заметил загодя. Хорошо ещё, до городских ворот было уже недалеко, как и до стен. Пришлось смердовскую клячу, что выкупил в деревеньке, заплатив за неё вдвое против обычного, бросить прямо на дороге. Благо, серебро в мошне было. Копил Белоус себе на свадьбу, что на будущую осень планировал – но серебра не пожалел. А вот смерда с детишками малыми пожалел, хотя мог бы клячу просто для княжеской службы забрать. Но бросил клячу посреди заснеженной дороги на корм волкам настоящим или волкам в обличии человеческого, и пустился напрямиком через сугробы в сторону городской стены. Стену ещё видно не было, но главное – направление знать. Стена большая, захочешь – не промахнёшься. Где-то по-звериному на четыре конечности вставал, чтобы со снежным настом сравняться, и остаться незамеченным, где-то в полный рост шагал, прижав одной рукой вторую, может быть, с перебитой костью, боль в которой, как и в рёбрах, не проходила после схватки с Волынцем. Терпел, но шёл навстречу колючему ветру, зная, что кроме него сейчас никто не сможет город предупредить. Когда почувствовал вдруг, что ветер внезапно стих, подумалось, что силы кончились, и захотелось сесть, и отдохнуть. Но хорошо знал Белоус, что это ласковая Обманка¹ его тешит. В такой мороз только присядешь, только руки подмышки сунешь, чтоб согреться, и пошевелиться не захочешь, как тут же Обманка на всё тело тёплые оковы наложит, и уже не сможешь встать, боясь тепло растерять. И никогда уже не встанешь.

Он шёл, себя преодолевая. Когда ветер кончился, понял, что к стене уже близко. Стена его от ветра защищает. Так и оказалось. Вышел напрямиком к тяжёлым брёвнам городской стены. Об них опёрся, перевёл рвущееся кашлем дыхание, отдающее болью в рёбрах, и снова двинулся вперёд. И добрался-таки до ворот, за которые его – ещё одна напасть, до слёз обидная! – падающего от усталости и боли, никак пускать не хотели, и долго выпрашивали. Но пустили, и, первые слова выслушав, побежали за воеводой Первонегом.

Первонег пришёл быстро. Белоус встать хотел, но воевода рукой махнул – сиди, коли увечный. Только тихо, словно голос свой оберегая, пожелал:

– Сказывай...

Гонец стал рассказывать, а ему в это время руки оттирали тягучим топлёным барсучьим салом – Белоус не заметил, когда потерял по пути к стене рукавицы. Рассказывал только то, что видел сам, и что княжич Вадимир передать велел. Про свой же путь, как до этого дружинникам городской стражи, воеводе не говорил. Разве ж у того своих забот мало!.

– Дороги, значит, перекрыли?... – переспросил Первонег. – Со всех ли сторон?

¹ Обманка – по верованиям славян, существо нечистой породы, сродни Домовым, Лешим, Кикиморам, Блазницам и прочей нечисти, но живущее в человеке, и вводящее его в искушение в самые трудные моменты.

– Того не знаю... Я с полуночи шёл...

– К чему такое – понятно... – не Белоусу, а неведомо кому, может, просто себе, сказал воевода. – Обложили.

Но больше Первонег спросить ничего не успел.

– Воевода! – раздался громкий крик откуда-то сверху, наверное, с привратной башни. – Где воевода? Сюда зовите.

– Здесь я, – используя свой голос, изнутри отозвался Первонег так, что его и на башне слышали, и только после этого вышел из жаркой сторожки в подступающую леденящую пред-рассветную темень. Даже после света лучины привратная площадь казалась совсем непроглядной. Подумалось, приказать бы, чтоб костёр развели, но крик сверху тревожным показался, потому Первонег торопился, и оставил приказ «на потом».

Лестница в башню крута и узка, но срублена крепко, ступени не пошатывались. Воевода тяжело дышал, поднимаясь, сказывались возраст и тучность тела. За ним спешил сотник привратной дружины.

– Что там? – ещё не поднявшись на смотровую площадку, спросил Первонег грозно.

– Всадники.

– Много?

По инерции спросил, хотя спрашивать уже и не надо было, потому что воевода сам последнюю ступень переступил, и сразу оказался перед заострённым верхним тыном. И потому дружинники ему не ответили, одновременно с воеводой вглядываясь в дорогу. Опытный взгляд сразу определил, что к воротам торопливой рысью приближаются сотни две с половиной воев. Конечно, варяги пожаловали бы иным числом. Но оберечься на лихой случай тоже стоило.

– Стрельцов на стену, – привычно скомандовал воевода, – дружину к воротам.

И сразу увидел, как по перекладам, вставленным в наклонные брёвна, ловко взбираются на полати словенские стрельцы. По два десятка с каждой стороны ворот. Только после этого, убедившись, что защита воротам есть, воевода повернулся к ильменской стороне.

– Сто-о-ой! – зычно крикнул в темноту дружинник, стоящий рядом с воеводой.

Прибывшие вои крик с башни слышали, не сразу остановились, но вплотную к воротам всё же не подъехали, как сделал бы враг, желающий от обязательных стрел под башенными воротами спрятаться. Вертикально вниз стрелять несподручно.

– Кто такие? – своим голосом Первонег вполне мог и с более дальнего расстояния кричать, и не опасаться, что его не услышат.

– Сотник Румянец из Заборьевской крепостицы. Отворяйте скорее, у нас раненые. С боем пробивались... И русы «на хвосте»...

Добрый десяток воинов в задних рядах поддерживали с боков товарищи. Так обычно и везут раненых, и эта картина никого в заблуждение не ввела.

– Что так припозднились? – Первонег, уже успокоившись, не сильно торопился. Дружина из Заборьевской крепости ещё вчера до обеда должна была бы прибыть. Не прибыла, и её уже, говоря по правде, не ждали. Посчитали, что могли и гонца варяги перехватить, и саму крепостицу обложить тяжёлым кольцом.

– Говорю ж, воевода, с боем пробивались. Русы все дороги с низу перекрыли.

Первонег узнали. А как не узнать, когда он один и голос такой на всю словенскую рать один. Хотя сам он с трудом вспоминал сотника Румянца. Однако время такое подошло, что торопиться с открытием ворот не следует.

– Эй... Кто Румянца сам знает? – обернувшись через плечо, крикнул Первонег во двор.

– Брат его у меня в сотне, – отозвался сотник привратной дружины. – Эй, Баташ... Где ж он?

– Румянец это, – успокаивающе крикнули со стены. – Он и есть, воевода. Брат мой.

Первонег вздохнул спокойнее, и даже довольно. Две с половиной сотни дружины ему очень даже в такое время сгодятся.

– Отворяй ворота, – скомандовал воевода, и, чтобы принять пополнение самолично, начал неторопливо спускаться по крутой лестнице, не оглядываясь на сотника, так и идущего за ним.

Ворота на ночь, согласно приказу самого же Первонеге, не просто запираются на привычные засовы. Они ещё и закладываются пятью тяжёлыми брёвнами, чтобы невозможно было сходу выбить створки. Только минувшим днём плотники поставили дополнительные пазы для укладывания брёвен. Каждое бревно снимало по четверо дружинников. Воевода, выйдя из башни, мельком глянул на то, как они пыhtят, поднимая нелёгкий груз. К сотнику обернулся:

– Помогите им, кто-никто. Чего четверыми надсаживаться. И люди там с мороза. Ждут. Румянца ко мне шли, и помощь раненым не забудь.

Сотник сразу начал отдавать распоряжения, и отстал, а воевода в сторожку вернулся, чтоб дополнительно черноусого Белоуса расспросить до того, как Румянец появится.

Растирать гонцу конечности уже перестали, и он стоял перед Первонегом, босой на холодном полу, дожидаясь естественных вопросов.

– Обуйся, – сказал воевода, и сел на лавку у низкого окна, выходящего на привратную площадь. – Успеем поговорить.

Белоус начал обуваться, но поговорить они не успели. Общими усилиями брёвна со створок сняли быстро. Копыта коней приехавшей дружины застучали по бревенчатому настилу сначала спокойно, но всё интенсивнее и интенсивнее, словно дружинники куда-то торопились, и быстро рассыпались по площади, захватывая пространство. Первонег от этих звуков почувствовал беспокойство, начал было в окно выглядывать, чтобы понять, что на площади происходит. Но тут и крики донеслись. И тревожные, и торжествующие, и яростные.

И звучные удары стали о сталь.

Воевода сразу понял всё, и выхватил меч.

Дверь сторожки распахнулась с силой, чуть не ударив Первонеге, но он сам ударил мечом сразу в дверной проём. Размахнуться было некогда, и бить пришлось вперёд, но меч не предназначен для колющих ударов, и потому воевода направил его в лицо вбегающему варягу, тот упал, заливаясь кровью, и что-то хрипел, ругаясь от такой уродующей его раны. Но рассматривать поверженного противника было некогда, потому что пришлось мечом отбивать удар копья. Древко выдержало, но для повторного удара копьём варяг подошёл слишком близко, и воевода, уже отступивший на шаг, коротко рубанул под шлем, где Бармица наиболее слаба, и сильнее прилегает к голове. Полетели на деревянный пол разрубленные кольчужные кольца, брызнула чёрная в полумраке кровь. Противник мешком упал на первого, мешая тому встать, чтобы продолжить схватку. Развернуться для следующего удара воевода не успевал, а в дверь, толкая друг друга, уже врывались сразу двое. Но тут Белоус, успев только один сапог надеть, уже вступил в схватку, и дважды коротко ткнул копьём в головы. Раненые варяги шарахнулись за порог, отступая, и, хотя их подпирала сзади, они спинами всё же очистили место.

Понимая, что всё решается не здесь, а только на площади, даже понимая, что там уже всё решилось, потому что привратная сотенная дружина не в состоянии справиться с двумя с половиной сотнями варягов, но всё же надеясь на чудо спасения города, Первонег устремился вперёд, прорываясь на открытое пространство. Белоус, босой на одну ногу, устремился за ним, орудуя копьём, словно и не чувствуя боли от недавно полученных ран, нанесенных и человеком, и морозом. Опыт позволил Первонегу сразу оценить ситуацию.

Он дважды на бегу ударил мечом, трижды отбил чужие удары, не имея щита, чтобы закрыться, но прорвался к воротам, которые уже облили маслом и подожгли.

Здесь бой ещё не закончился, и воевода сходу вступил в него.

– Пламя сбейте, пламя... Это сигнал! – крикнул он, увернулся от чужого копья, отбил удар мечом, сам ударил, и ещё раз отбил, и в это время всё закружилось перед ним. Первонег даже не понял, что его сзади основательно огрели по шлему. Крепкий шлем выдержал полновесный удар меча, хотя и помялся, но голове досталось сильно. Воевода зашатался, взялся рукой за чьё-то плечо – не понимая кто перед ним, свой или враг, но старался держаться крепче, чтобы не упасть. Его руку без стеснения сбросили, чтобы не мешала рубиться, и он перехватился за стену, но и невероятно тяжёлый отчего-то меч уже, не осознавая того, выронил.

Первонег упал прямо рядом с распахнутыми и уже горящими воротами.

Откуда-то из общей свалки вдруг вынырнул Белоус, как был в одном сапоге, и даже не чувствуя обжигающего холода, бросил своё окровавленное копье, забыв про собственную боль, подхватил тяжёлого и грузного воеводу подмышки, и потащил не в город, где уже начали полыхать первые пожары, а напрямик за ворота.

Там сейчас не было варягов. Те, которых привёл с собой сотник Румянец, уже прорвались вперёд, и там чинили убийство и разрушение. Те, кто только намеревался ворваться в город, ещё не подошли. Около ворот лежало только около десятка человеческих тел и два убитых коня – стрельца со стен успели пустить по несколько стрел сюда прежде, чем переключиться на обстрел привратной площади. Но там стрелять было трудно, потому что свои и чужие смешались, и разобрать цель в темноте было трудно.

Белоус оттащил воеводу подальше от ворот, под стену, прислонил его к насыпи под тарасой, а сам, на одной ноге подпрыгивая, потому что только сейчас стал чувствовать мороз и обжигающе холодный снег, вернулся к воротам. Снял сапог с одного из убитых, натянул на себя. Сапог был великоват, но выбирать не приходилось, и искать обувь по размеру времени не было. Там же подобрал меч, снял с неподвижного варяга и ножны к мечу. Показалось, варяг пошевелился. Попробовал пальцами его горло – кровь по жилам не бегала. И только после этого, услышав шум звенящего металла – к воротам приближалась всей своей тяжёлой массой конница варягов, торопливо стащил с убитого меховой плащ, перебросил его через свое плечо, и вернулся к воеводе.

Первонег ещё не пришёл в себя – лежал в той же позе, что и оставил его молодой дружинник. И Белоус решил за благо оттащить его дальше с глаз врагов. А уж потом, когда в себя придёт, воевода сам решит, как дальше поступать. И только здесь Белоус хватился, что не снял с убитого варяга рукавицы. Обмороженные руки не просто плохо работали, они снова мерзли. Теперь уже сразу до боли.

Воевода же Первонег сейчас казался гораздо более тяжёлым, нежели вначале, когда вообще не думалось о тяжести, когда вообще ни о чём не думалось, даже о своей босой ноге, и жило только побуждение спасти воеводу, потому что от него зависела судьба города.

Сейчас уже и от него не зависела. Издали дружинник видел, как непрерывной рекой в ворота врываются варяжские полки, и не было рядом силы, способной остановить их. Славен уже можно было считать взятым, в этом Белоус не сомневался.

Так Славен пал навсегда, без всякой надежды возродиться под своим историческим именем, но ещё никто не знал этого, даже сами варяги...

Глава вторая

Княжич Владимир не подгонял коня. Тот сам шёл всё резвее и резвее, как и другие кони небольшого отряда. Когда человек, плохо, как человеку и положено, ориентируясь в пространстве, ещё не в состоянии понять, что он уже приближается к обжитому месту, кони уже издали знают это, надеются на отдых и кормёжку, и потому всегда торопятся и ускоряют ход без понукания всадников.

Несколько раз Владимир будто бы невзначай оборачивался, и бросал короткий взгляд на сани. И тут же смотрел дальше, проверяя, насколько отряд растянулся. Но увидеть то, что ему увидеть хотелось, княжич успевал. Велибора сидела с закрытыми глазами, до носа укрывшись пологом. И непонятно было, спит она или просто на морозе и при боковом порывистом и сыром ветре так сидеть ей спокойнее. Сани бежали ровно, как и кони всего отряда. Ледовая дорога через Ладогу тоже не обещала подъёмов и спусков, и потому в таком пути, да ещё в санях, задремать не сложно. Да и в санях сидеть – не в седле, там даже подъемы и спуски не особо ощущаются.

Путь, путь, путь – казалось, он никогда не кончится. Однообразный и своим однообразием утомляющий. Путь бесконечный, кажется, но и он, несмотря на все ожидания, оканчивается, тоже окончание имеет. Встали только на берегу Вуоксы против крепости Карелы, и протрубили в большой сигнальный берестяной рожок. Трубить пришлось трижды, чтобы их услышали – сильный ветер, идущий с Ладоги – вдоль лесистых берегов, как в трубу, звуки относил. Только после третьего раза в ответ раздался другой сигнал. Краснощёкий рожечник дружины княжича выдул новый, подтверждающий, и услышал его же в ответ. Такую сложную систему сигналов придумал сам князь Буригой ещё с осени, с поры первого тонкого ледка на реке, опасаясь за тайну подъездных путей и целостность крепости и самого города Бьярмы.

Стали ждать. Ледовый смотритель из крепостной охраны появился вскоре, верхом. Пожал недоуменно плечами:

– Чего, княжич, вызывать... Такой мороз... Все полыньи схватились намертво... Лося держат... Ехали б, не мёрзли...

Этими незамысловатыми словами он дал сразу много информации: подтвердил, что враг теперь имеет возможность подойти к крепости вплотную, но и сообщил одновременно, что охрана крепости, стало быть, не дремлет, и к любому повороту дела готова. То есть, все живут в постоянном напряжении. Именно потому, как только миновали середину левого рукава Вуоксы, смотритель опять поднял рожок, и протрубил новый сигнал. Ему ответили. И он опять ответил. И все сигналы были разными. Более того, Владимир знал, что каждый день очередность сигналов, подаваемый смотрителем, меняется. Это на случай, если враг смотрителя захватит, и заставит его сигнал подать. Смотритель – человек надёжный. Если он подаст не тот сигнал, ворота не откроют.

Сейчас же ворота распахнули ещё до того, как вереница лошадей и сани среди них подошли к берегу Кукушкина острова. Владимира давно уже ждали, и к приезду были готовы.

За короткий путь через реку княжич ещё несколько раз коротко посмотрел на сани. Старался смотреть для других незаметно, чтобы избежать насмешек. И из того, что Велибора сидела всё в той же позе, словно ничего не видела и не слышала, хотя звук большого берёзового рожка разбудил бы любого, Владимир сделал вывод, что она специально для него делает вид, что спит. Именно так, именно делает вид для него, чтобы он понял, что она не спит. Так бывало, когда Велибора ставила перед собой какую-то цель, в достижении которой Владимир был ей помехой, и она хотела заставить его угождать себе, соглашаться или хотя бы не мешать, если помогать он не желает. Но он уже научился управлять женой. Тем более, в делах серьёзных. А что сейчас предстоит дело серьёзное, Владимир знал, потому что Велибора не однажды уже

заходила разговор о том, как сильно она хочет стать княгиней. Не княжной, а княгиней словен, то есть, откровенно намекала, что Владимир должен искать пути, как обойти старшего брата Гостомысла. Но сам Владимир в этом вопросе был твёрд, и предпринимать что-то против брата отказывался категорически. Он даже не ругался из-за этого вопроса, он просто не желал его даже обсуждать, прерывая в самом начале. Но прерывать приходилось многократно, и, чем дальше, тем чаще.

Кони активнее заперебирали ногами, и приходилось натягивать повод, чтобы удерживать их, и не нарушить строй. Кавалькада подошла к воротам вплотную.

Говоря честно, Владимир в глубине души всё же надеялся увидеть среди встречающих, высыпавших за ворота, коренастую и крепкую фигуру в белой ошкуйной шапке. Знал, конечно, что, имея отец возможность ходить, он не послал бы за ним, тем не менее, верил в чудо, позволившее бы отцу встать, и надеялся, что Буриной встретит их. Отцу иногда удавалось совершать чудеса за счёт силы своего духа... Ожидания, однако, оказались напрасными. Крепких коренастых фигур было много, но знаменитой белой ошкуйной шапки княжич не увидел.

Вадимира у ворот встретил воевода Военег, сменившийся со своей дружиной в крепости Лосиный брод, где он стоял два осенних месяца. Буриной вызвал воеводу в Карелу, послав взамен слабый гарнизон, которому было по силам едва-едва защитить стены. Никто не понимал, чем такое решение вызвано, но с князем, даже если он часто бывал не в себе, не спорили.

– Здравствуй будь, княжич, – воевода принял повод, и передал дружиннику. Во взгляде особенно тёмно-синих в предрассветных сумерках глаз светилось доброе отношение и заботливость. Воевода Военег был тем человеком, кто учил когда-то Вадимира сидеть в седле и первым вложил в его руку лёгкий ещё отроческий меч.

– На годы здравствуй, воевода, – приветливо улыбнувшись ответно, сказал Владимир, и легко выпрыгнул из седла, словно не скакал без отдыха невесть сколько. Пожав Военегу руку, княжич сделал знак, приказывая вознице саней проезжать дальше, в саму крепость, и не загромождать проезд остальным дружинникам, несмотря на то, что Велибора, кажется, сама приказала остановиться. – Давно ль сюда прибыл?

– Кони ещё не отдохнули... С вечера только, в темноте уже, и встали. Князь приказал... Но сам меня не принял. Тебя ждать повелел...

– К чему вызвал? – сразу спросил Владимир. – Сам как?

Военег нахмурился от вопроса, не желая быть вестником печали. Но, поскольку вопрос прозвучал, отвечать на него было необходимо.

– Думаю... К наказу последнему... – воевода сказал низким печальным шёпотом вроде бы простейшие слова, но Владимир почувствовал, как ледяной озноб пробежал по коже, хотя он сам ждал именно такого, но надеялся, что ошибается. – Княжич Гостомысл далеко... Потому тебя затребовал... Говорят, сам вельми плох... И сам это лучше других знает...

Они вздохнули одновременно, одновременно грустно посмотрели друг на друга, и, повернувшись, прошли в крепость. Владимир сразу заметил, как около саней с Велиборой, стоящих рядом с крыльцом княжеского невеликого терема, столпилось сразу несколько дружинников, но она сидела там, по-прежнему укрытая пологом, не желая выходить, дожидаясь, должно быть, мужа. Это продолжалась её прежняя игра, попытка принудить мужа чувствовать перед собой вину. Но, именно эти её попытки и пресекая, Владимир отослал сани от ворот в крепость. Он и без того всю дорогу сожалел, что дома уступил, и взял-таки Велибору с собой. И сейчас, не желая пойти на поводу у жены, тянул время, и не подходил сразу к саням. Хотя понимал, что подойти в любом случае придется.

– Спокойно здесь? Иль как?..

– А не поймёшь как... Воевода Бровка говорит, что варягов не видно, но сирнаны, почитай, каждый день то на одном, то на другом берегу появляются. Присматривают...

Воевода Бровка, молодой вой, с простых дружинников быстро выросший до своего нынешнего звания, всю эту войну был главным помощником Буриvoja, и теперь командовал дружиной крепости Карела. Сами дружинники, сотники и другие воеводы относились к Бровке по-разному. Вой он был хороший, все это знали, и воевода толковый, что не однажды делом доказывал, но Бровку не все любили за лесть, которую тот старался при каждом удобном случае князю высказать. Впрочем, лесть Бровка мог высказывать любому, невзирая на звания, и считал, должно быть, что завоёвывает этим друзей, не понимая, что не всем нравится, когда их откровенно хвалят, потому что люди сами знают за что их хвалить стоит, а что можно и без внимания оставить.

– Варягов и не будет видно, воевода... Они уже под Славеном чуть не в полном составе. И оба боеспособные воеводы ихние там, и Славен и Далята. От Астараты толку мало, если жена его сюда не пожалует и командовать не начнет. Чать, мимо тебя у Лосинога брода проезжали...

– Проезжали... Только не мимо, а кругом, но мне разведчики докладали... Я Бровке посоветовал оставшихся здесь «почесать» основательно. С этими-то и справиться можно, пока основных сил на месте нет. Князь Астарата, я с тобой, княжич, согласен, к войне годен мало... И бить, понятно, по частям надо. Здесь тысячи с три наберётся не самых лучших полков. Их и надо бы бить... А Бровка без приказа князя боится. И князь его к себе не пускает...

Сам воевода Бровка уже спешил навстречу княжичу со всегдашней своей подобострастной улыбкой. Человек вышел из низов, из простых воев, и привык к знати относиться с особым почтением. И, даже сам став воеводой, от привычки избавиться не смог.

Поздоровались, и воевода сразу начал вводить Вадимира в курс местной обстановки, словно сюда княжич приехал, чтобы именно заменить князя Буриvoja.

Военег, стоя рядом и, слушая, откровенно морщился, но не от того, что слышал, а от тона, каким всё высказывалось. Не понравился доклад и самому Вадимиру.

– Подожди, подожди, тебе говорят... Что ты мне, как батюшке докладываешь... Я надеюсь сегодня же уехать назад...

Бровка растерялся откровенно. Должно быть, другого ждал.

– А мы как же?

– А как всегда бывает при живом и здоровом князе?... Не знаешь?... Пока жив Буриvoj, всё так же и будет... – резко сказал старый Военег, и взял княжича под руку, уводя к крыльцу, и оставив Бровку в недоумении. – Княжича жена ждёт... Её морозить нынче нельзя никак...

К саням с Велиборой пришлось всё-таки подойти. И руку пришлось протянуть, чтобы помочь ей выйти, а потом и на крыльцо взойти. Уже с крыльца княжна оглядела большой двор крепости. Вадимиру этот взгляд не понравился. Так хозяйка двор своего терема осматривает, радуясь и торжествуя, что он ей нравится...

* * *

Князь Буриvoj, как сообщили Вадимиру, ночь угрюмо просидел за столом, и недавно только, откинувшись спиной на скамью, уснул после того, как выпил одну за другой две баклажки хмельного мёда. Хмельной мёд в последние дни – единственная пища, которую он принимал, и единственное снадобье, которое помогало князю успокоиться.

Здесь, в крепости, не было гостиной горницы, как в княжеском тереме Славена, и ждать пришлось в прохладных, если не сказать, что холодных, полутёмных сенях, не отличающихся простором, по которому можно прогуляться, меряя шагами расстояние от стены до стены, и совмещая с этими шагами свои мысли. На скамью рядом с дверью сели втроём – княжич с княжной и воевода Военег. Ждать решили здесь, пока слуги заносили поклажу в верхние палаты, где раньше располагался Гостомысл с молодой женой. Дворовый человек, рассказавший о состоянии Буриvoja, остался стоять рядом с входной дверью, на случай какого-то прика-

зания, и смотрел хмуро. Когда страдал от болезни князь, страдали и все дворовые люди, так уж здесь издавна повелось. Буривой, как всем известно, короткостью нрава не отличался, и мог дурное расположение духа срывать на первом попавшемся под руку человеку. Чаше других под руку попадали дворовые люди, поскольку они всегда рядом.

– Отдохнула бы с дороги... – умышленно холодно, почти равнодушно, без заботливой настойчивости, вообще-то обычно ему свойственной от природы, сказал Владимир жене, отвечая ей на её игру своей встречной и очень жёсткой игрой.

У Велиборы в самом деле глаза слипались. В сидячем положении в дороге по-настоящему выпастись невозможно. А здесь, чуть в небольшое тепло попала, её и сморило. Велибора, видно было, крепилась, но усталость своё брала.

– Я пойду, если только ты пообещаешь, что сразу позовёшь, как батюшка поκληчет, – поставила условие, и на Военег глянула, ища поддержки.

– Иди, как батюшка позовёт, и я позову, – холодно отговорился Владимир.

Фраза прозвучала двусмысленно, хотя Велибора этого не заметила. Тем не менее, Владимир мог не звать жену, пока сам князь Буривой её не позовёт. Сначала можно и без неё обойтись, а потом уже и позвать, чтоб совсем не расстраивать. В её положении тоже лишний раз расстраиваться не след.

– Не проводишь? – прозвучал холодный вопрос.

– Слуги дорогу покажут... – ответ оказался ещё более холодным.

Велибора ушла не только обиженная, но ещё и в большой тревоге, поскольку не понимала поведения мужа. Раньше он уже давно стал бы услужливым и предупредительным, старался бы предугадать каждое её желание, лишь бы она перестала сердиться.

– Что ты с ней так строго? – полушутя укорил Военег. – Её сейчас беречь надо...

– Дитё беречь надо... Согласен... А вот от неё след бы от самой беречься... – сухо ответил княжич, впрочем, не открывая воеводе нового О характере Велиборы знали в княжестве, наверное, даже смерды.

А Военег лучше других знал, на что способна его жена в своём стремлении к власти. И лучше других знал, на что она свою власть может употребить. ИА воевода, тоже хорошо знакомый с домашними отношениями в семье Владимира, словом говоря одно, оставался доволен, что княжич начал ставить жену на место. Он сам бы с удовольствием подал Владимиру такой же совет, но уже прошли те времена, когда Военег смел, как воспитатель, советовать княжичу...

* * *

Ждали приглашения к князю, и разговаривали.

Разговор, естественно, в первую очередь, зашёл о положении Славена.

Военегу сильно беспокоило малое количество воев, оставшееся в городе. Княжич подробно обрисовал, как обстоят там дела. И даже приблизительный расклад дал – сколько за стенами словен, сколько против стен могут русы выставить. Рассказал о решении оставить часть малых крепостей и острогов, чтобы усилить городскую дружину. В общем-то, положение продолжало оставаться серьёзным, но не слишком опасным. Не настолько опасным, чтобы рвать себе бороду в отчаянии... Сам воевода Первонег своё дело знал, полки в сечу за свою жизнь водил часто, и стенами прикрываться тоже умел искусно. В минувшие годы ни свеев, ни урман, жадных, и к богатой добыче рвущихся, в Славен не пустил. И положиться на воеводу можно было без опасения.

И Военег согласился:

– Стены крепки... Первонег за стенами отсидится. Не впервой ему... В Русе стенобитных машин нет, а тащить их из Бьярмии долго. И в поле на сечу воевода не выйдет, смекалки хватит...

– Опытен он... – кивнул Владимир.

Потом, обговорив волнующие обеих темы, долго молчали в ожидании пробуждения Буриной. Владимир даже задремал, сидя на скамье, и прислонившись к стенке. После долгого пути в седле стенка, на которую опирается спина, создаёт ощущение возможности полностью расслабиться. Но положение всё равно остаётся неустойчивым, и Владимир, засыпая, часто просыпался от ощущения того, что он падает. В действительности он только чуть пошатывался, но успевал, проснувшись, напрячь мышцы, и усидеть ровно.

Воевода Военег, несмотря на свой возраст, казался сделанным из хорошо калёного металла, и усталости не знал. Он тоже только недавно, вроде бы, покинул седло, хотя и успел какое-то время позволить себе отдохнуть. Этого ему, похоже, вполне хватило. И сейчас сидел, в ожидании пробуждения князя, прямо, и даже к стене не прислонялся, погруженный в какие-то свои думы.

В очередной раз Владимир проснулся от постороннего звука. Открыл глаза как раз в тот момент, когда воевода Военег начал вставать, одновременно оборачиваясь в сторону двери. И сразу понял, что звук шёл из княжеской горницы. И дворовый человек, теперь уже другой, сменивший доглядывающего за князем в ночь, услышал звук, и, смешно косолапя, поспешил за дверь. Вышел через минуту:

– Идите, обоих, стало быть, зовёт...

В княжеской горнице было жарко натоплено, как любил то князь – это даже за порогом в холодные сени ощущалось, но сумрачно, должно быть, от плохо пропускающих солнечный свет бычьих пузырей, заменяющих стёкла. Только сейчас Владимир сообразил, что на улице уже давно рассвело, и он, засыпая и просыпаясь, счёт времени совсем потерял, потому что окон в сенях, как известно, не бывает, и княжичу не на что было ориентироваться.

Поочерёдно шагнули за порог. Сначала княжич, потом воевода Военег.

Князь Буриной сидел на лавке за столом, лицом был тёмный, глазами красен, смотрел мрачно, хотя и пытался показать радость от прибытия сына. Но, должно быть, боль в теле мешала эту радость даже чувствовать искренне. И она же, конечно, помешала князю встать на ноги. Спальная скамья стояла тут же, рядом со столом, но застланная не перинами, а многими звериными шкурами, тоже, как Буриной любил. Так же он и укрывался медвежьей полостью.

– Здравия вам обоим... – приветствие отчего-то прозвучало почти, как невнятная ворчливая угроза. Или это сказался голос, со сна севший, да ещё болезнью надломленный, многократно и безвозвратно треснувший.

– Здравия тебе, батюшка, от меня и от всего Славена... – княжич ответил как можно мягче, но на это ему не потребовалось чрезмерных усилий. Он просто говорил так, как чувствовал. При всей суровости и частой несправедливости Буриной, Владимир всё же любил его, хотя с самого детства побаивался.

– Силы и здравия, княже, от меня и от моего полка... – по военному коротко и строго, с большим почтением сказал воевода.

Буриной прокашлялся, горло прочищая. Сам почувствовал, что говорит не как следовало бы говорить грозному воину, военачальнику и владельческому князю.

– Быстро же добрался, сынок... – но и теперь в словах Буриной, обращённых к Владимиру, было так мало знакомых ноток, так неузнаваем был ломающийся слабый голос, что княжичу в первый момент показалось, что это вовсе и не отец говорит, а кто-то невидимый, за его широкой спиной прячущийся. И только отдельные – лишь отдельные! – нотки власти оставались прежними, подкармливаемые всегдашней неукротимостью княжеского духа. – Как добрались? Без ненастья в погоде и в людях?..

– Добро добрались, батюшка, – Владимир постарался говорить мягче даже, чем он говорил обычно, такое сильное впечатление произвёл на него сломленный болью отец. – Торопились, как ты и велел, коней не жалели, мороза с ветром не пугались...

– Садись тогда. Если и есть в ногах правда, то она не наша... – теперь Буриной оттаял совсем. То ли окончательно проснулся, то ли боль на какое-то время отпустила. – И ты воевода, садись тоже. Я тебя специально звал, чтоб с Владимиром вместе находился, поскольку ты его наставником с детских лет был, тебе, стало быть, и помогать ему, когда нам всем худо... А о здоровье вы, ни тот, ни другой, меня, стало быть, и не спрашиваете?..

Последняя фраза прорвалась вдруг, и почувствовалась в ней капризная обида, но сам же Буриной, видя, в какое смущение ввёл и сына и воеводу, себе больше, чем им, ответил:

– И правильно... Что ж тут спрашивать... И так всё ясно и видно... Не Буриной я уже... Только тень его бессильная осталась на этой скамье, сидит, думает незнамо о чём, изредка говорит, да не всегда впопад... А самого Буриной уже нет. Нет его больше...

Он выпил что-то из берестяной кружки.

– От Гостомысла вестей нет?

Владимир и ответить не успел, как дверь отворилась без стука, и вошла Велибора. Тихо вошла, бочком, но тут же поклонилась так низко, насколько ей живот позволил, и к Буриной устремилась, чтобы обнять. Но тот остановил её стремление к проявлению любви вялым жестом – ладонь вперёд выставил, и на сына коротко успел глянуть. И будто бы ситуацию прочитал.

– Я рад, дочка, что и ты приехала, но когда в доме разговаривают мужчины, к ним входить нельзя. Подожди, когда тебя позовут...

Это было сказано предельно спокойно, без обычных резких интонаций, и надо было знать Буриной, чтобы понять, каких усилий ему стоило произнести фразу так.

Велибора взор потупила, и, пятясь, направилась к выходу. Перед дверью всё же успела не посмотреть, а стрелкнуть сердитым взглядом в мужа. Тот сохранял спокойствие и даже, как ей показалось, торжествовал...

– От Гостомысла вестей нет? – повторил Буриной вопрос.

Велибора, конечно же, вопрос слышала, и ей он отдался болью в сердце. Это Владимир понял по выражению лица жены, медлившей с выходом.

– Нет, батюшка. Но сейчас он уже должен вести переговоры, и я не думаю, что они затянутся надолго. Надеюсь, что брат скоро вернётся. Старец волхв Вандал, которому Гостомysl очень верит, просил его торопиться... И мы все его ждём с нетерпением. И весь Славен ждёт...

Теперь Велибора вышла, сердито закрыв дверь. Впрочем, наверное, это только Владимиру показалось, что она дверь закрыла сердито. Князь с воеводой ничего не заметили. Но из-за двери голоса раздались. Похоже, княжна хотела у двери остаться, чтобы разговор слышать, но дворовый человек, своё дело знающий, что-то высказал ей. Судя по тому, что продолжения не последовало, Велибора подчинилась. Суровость мужа и приём тестя на неё подействовали так, что она не могла уже вести себя в соответствии со своим привычным норовом.

– Когда собирается порадовать наш дом новый детский крик? – глядя на дверь спросил князь, голосом показывая, что сердце его отмякло при виде живота невестки.

– Ждём уже через неделю, – ответил Владимир.

– Не надо было её с собой брать... Это я её избаловал... А ты, сынок, в строгости жену держи... Своё место она знать должна... Что в Славене? Рассказывай...

Глава третья

После одновременной гибели двоих сыновей в удачно для вагров сложившемся сражении против франков, у вдового к тому времени князя Бравлина Второго оставалось шестеро дочерей, две из которых по возрасту были пока незамужними. Забота для мужчины, тем более, обременёнными заботами другими и безостановочными, и трудноразрешимыми, немалая, но Бравлин вполне мог оставить громадный дом на Замковой горе, который в народе называли замком, на попечительство многочисленных хозяек без собственного пригляда. Двое из замужних дочерей со своим семейством жили здесь же, но тесноты не создавали. Они же могли и о младших сёстрах необходимую заботу проявить, и любовь им дать. Двое других дочерей жили за пределами княжества. Одна, старшая, была выдана за влиятельного конунга данов Сигтругга, и конунг обещал князю прислать в помощь свою сильную дружину, даже не спрашивая, как у данов ведётся, согласия на то короля Готфрида. Вторая дочь была замужем за молодым сакским эделингом, и тот, естественно, являясь подданным короля Карла Каролинга, обязан был поставлять своих воинов в королевскую армию, а вовсе не тестю помогать. Помощь от конунга ждали со дня на день, с эделингом связь прервалась. Но остальные дочери были замужем за знатными Ваграми, находились рядом с отцом, и могли ему служить опорой и утешением, когда ему утешение было необходимо. Впрочем, происходило это не часто.

Сам же князь, любящий в обыденной жизни книжную тишину и уединение, часто размещался в своём городском доме, расположенном стена к стене с палатой боярского сейма, который Бравлин не созывал уже несколько лет, удовлетворяясь помощью и советом только нескольких членов сеймского совета, которым доверял. А уж в опасные военные дни он перебирался в городской дом на постоянное житьё – ближе к дружине, ближе к воям и воеводам, с которыми постоянно приходилось контактировать. Здесь Бравлин становился доступным для всех, кто находил к нему дело, и не только тогда, когда касалось вопросов насущных. Бравлин привык быть в курсе всего, что происходит в княжестве, и потому посетителей у него всегда было много. Но сейчас никто не старался докучать своими бедами и заботами, потому что все понимали тяжёлое положение и самого княжества, и его столицы, и собственные проблемы разрешали собственными же силами. Старгород притих, затаился в молчаливой суровости, не собираясь при этом предоставить врагу безоговорочную возможность решить участь города без активного сопротивления.

Постоянно наводнённый приходящими и уходящими воями дом воеводы Веслава стоял на той же улице совсем неподалёку. Но сам Веслав большую часть времени проводил в доме княжеском, куда к нему и к князю прибывали все вести о передвижении войск франкского короля Карла Великого. И даже каждый рейд отдельных рыцарских отрядов по возможности отслеживался, чтобы знать где и с кем можно встретиться, и чтобы эта встреча не была неприятно-неожиданной. А уж о мародёрах и фуражирах франков Веслав позаботился особо, выставив для этого несколько мобильных дружин, нигде не задерживающихся. И эти дружины уже перебили мелкие группы врага, пренебрегшие безопасностью ради наживы, и удалившиеся от основных сил.

Сам Карл, как поговаривали, устроил себе ставку в Хаммабурге, где для него специально построили обширный каменный дом, памятуя, что в прошлый приезд в земли саксов, граничащие со славянскими землями, королю пришлось жить за городом в палатке на Песенном холме, потому что подходящего дома, удовлетворяющего королевским запросам, в городе тогда не нашлось. От Хаммабурга до Старгорода восемь часов лёгкого аллюра обычной лошади. Со скоростью лёгкого аллюра могут передвигаться и полки конницы. Если есть необходимость, и есть возможность сменить коня, гонец доскачет за четыре часа. Таким образом Карл и сам

находился в безопасном месте, и, в то же время, почти в непосредственной близости от противника.

* * *

Отослав сотника Зарубу к жалтонесу Рунальду, князь Бравлин чувствовал себя неуютно, поскольку последние два года сотник постоянно был при нём и исполнял обязанности секретаря и майордома, не занимая этих должностей. Заруба сам решал, с кем он лично может разобратся, кого следует к Бравлину пропустить, а с кем решить вопрос может он сам или кто-то из воевод. И сейчас, в отсутствие сотника, который по неизвестной причине задержался надолго, все шли напрямую к князю, невзирая на время суток, если их не останавливал воевода Веслав. А забот в это тревожное время было у всех много. Конечно, не столько, сколько у Бравлина, тем не менее, достаточно для того, чтобы не успевать или же не уметь их решить самостоятельно.

Но в этот раз присутствие Зарубы и не потребовалось. Веслав пристроился на скамье у окна в приёмной Бравлина, как князь в последние горячие дни с усмешкой называл свою библиотечную горницу, когда в середине ночи прискакали разведчики во главе с немолодым сотником Беловуком. Бравлин с Веславом вообще не собирались ложиться в эту первую ночь войны, и принимали многих, прибывающих с разных сторон, отдавали множество приказов, и планировали каждый последующий день в зависимости от дней предыдущих и от изменений в поведении франков.

Сам Беловук и докладывал, пряча глаза за неестественно густыми бровями:

– Княже, мы напрасно, кажется, ждём конунга Сигтрюгга... – сотник с трудом выговорил труднопроизносимое для славянина имя княжеского зятя.

– Что-то случилось? – Бравлин встал из-за стола, заваленного бумагами, которые он, в ожидании новых вестей, систематизировал, в соответствии со своими привычками, и приводил в ведомый ему одному и, разве что, сотнику Зарубе, порядок.

– Весь день конунг шёл в сторону Старгорода обычным шляхом, где ходят купцы. Путь там не сложный и быстрый. С ним полторы тысячи дружины. Наперерез ему вышел граф Оливье с пятитысячным войском. Должно быть, разведка франков конунга заметила или, я ещё подумываю, у Карла есть свои люди в Дании, которые ему всё спешно докладывают. Мы отследили передвижение Оливье за всю вторую половину дня. И только после этого поняли направление. Если Сигтрюгг не повернёт спешно назад, Оливье уничтожит всю его дружину...

Бравлин вопросительно, словно совета просил, посмотрел на воеводу Веслава. Тот тоже встал, и со звонким хрустом сжал в кулаке кольчужную рукавицу.

– Гонца к конунгу послали? – озабоченно спросил князь.

Потерять не только княжеского зятя, потерять ещё и полторы тысячи сильных воев, которых этот зять возглавляет – это было бы трагедией для вагров.

– Сразу же, как только поняли, куда граф движется.

– Вернулся? – Бравлин, кажется, уже понял, к чему идёт дело.

– Нет еще. Но конунг сам своего гонца прислал. Нашего смерда посадил на данскую лошадку, и отправил. Только что вот прибыл, – сотник Беловук глянул мрачно. – Сигтрюгг сказал, что он знает даже силы графа Оливье, и с рассветом он атакует франков возле Красного переката, там, где сломан мост через реку, и просил нас подоспеть ему на выручку. Он даст части франков переправиться, и потом только атакует их. Хочет, чтобы мы успели к этому времени, и атаковали тех, кто переправиться не успел. Двумя частями их разбить легче.

– Зазнайка! – буркнул Веслав. – Он всегда так. Считает, что может приказывать.

– Он таков, – согласился Бравлин. – В бой всегда идет без сомнения. И всегда уверен в победе. И люди его такие же – никого не боятся. Но для нас это шанс! Веслав.

Бравлин и воевода посмотрели друг другу в глаза.

– Сколько дружины дашь? – всё понял воевода.

– Рассветёт через пять часов. Дорога займёт три часа. Время есть. Возьми четыре тысячи конников и... И ещё ту сотню стрельцов Гостомысла. Скажи сотнику, что я его прошу, поскольку не могу попросить самого княжича. Они тоже все конные. С конными как раз успеешь к началу. Вместе с данами у тебя будет больше, чем у Оливье. Понимаешь ситуацию? Хорошо бы нам начать эту войну с основательной трёпки прославленного графа. С запоминающейся трёпки. Постарайся дать её франкам. Это и в Старгороде стены укрепит – каждый после такого за двоих драться будет, и франков сразу на место поставит. И самого короля и его воинственного дядюшку. Ещё...

Князь говорил тихим спокойным голосом. Не приказывал, а просто говорил, даже чуть неторопливо, с раздумьями. Веслав смотрел внимательно, выслушивая указания.

– Ещё – просто просьба, и очень важная для всех нас. Карл очень любит Оливье. Может быть, больше всех других в своём войске. Граф очень сильный и умелый рыцарь. Прославленный победитель многих турниров. И, кроме тебя или, может быть, меня, с ним никто не справится. Моё место здесь, твоё место – там. Приведи мне его. Или привези. В любом виде. Но только не унижая, даже если он будет убит или ранен, потому что я, при всей своей неприязни к франкам, питаю к графу дружеские чувства. Он ко мне, кажется, относится точно так же. Ты постарайся быть ему добрым тюремщиком. Я знаю, что такая победа – подвиг. И, может быть, это будет более важным, чем разбить дружину графа. Это будет половина победы во всей войне. А имея за собой одну половину, можно уже надеяться, что вторая половина тоже нам достанется. Франки после такого поражения потеряют боевой дух. Король Карл впадет в долгую печаль. Это то, что нам необходимо для спасения.

– Я постараюсь. Но, княже, уводить из города почти всю конницу. Не слишком ли рискованно? А если что...

– Но ведь не всю же. У нас останется тысяча. И франков рядом нет. И на конях стены, как ты знаешь, не защищают. А для возможной вылазки за стены и тысячи хватит с лихвой. Кроме того, никогда не выигрывает тот, кто ни рискует. А ты вернёшься с победой уже завтра к вечеру. Мы все будем тебя ждать. Иди, и вели прислать ко мне тысяцкого Куденю. Хочу с ним кое о чем посоветоваться...

– Я понял, княже, – Веслав согласно наклонил голову, и, не дождавшись дополнительных указаний, вышел. Вслед за ним вышли и разведчики сотника Беловука, оставив Бравлина досиживать ночь в тяжёлом раздумье.

Князю не спалось уже не первую ночь, и ему, действительно, было о чём подумать. Он всегда гордился своим народом – не просто народом-воином, на протяжении многих веков сохранившим веру и имя предков, но и народом умельцем, потому что Старгород был ремесленной столицей всей Восточной Европы. Ни в одном другом городе не было таких умелых мастеровых людей, как в Старгороде, и прославили они княжество вагров благодаря большой поддержке, оказываемой мастеровому люду самим князем. Может быть, именно эта слава, которую купцы, представляя к продаже товары, производимые ваграми, разносили не только по всей Европе, но доплыли с ней и до Кордовского халифата, и до берегов Северной Африки, и до Византии, может быть, именно эта слава сослужила плохую службу славянам, вызвав неукротимое желание Карла Каролинга сделать Старгород своим. И вот уже почти двенадцать лет война то стихает, то возобновляется снова, то стихает, то возобновляется, но Старгород стоит и держится, гордый и своей воинской отвагой, и честью свободных людей тоже.

Однако бесконечно длиться такое противостояние не могло.

Главная беда состояла в том, что каждая из этих перманентных войн слишком дорого обходилась княжеству, поскольку оно не имело таких людских и финансовых ресурсов, которыми располагал король франков. Старгород год от года слабел и беднел. Если раньше Брав-

лин мог себе позволить отправиться с частью дружины на завоевание Швеции, и разграбление свейской столицы Сигтуны, и при этом более половины дружины оставалось на защите рубежей княжества, то сейчас во всём княжестве дружинников было меньше, чем тогда только в походном войске. И сейчас Бравлин чувствовал, что конец длительному противостоянию близок. Князь Бравлин Второй лучше всех других знал свои силы, и видел предполагаемое развитие событий даже лучше, чем тот же воевода Веслав. В этой новой войне, когда Карл стянул к границам княжества большие армии, вагры не могли уже выставить такой армии, которая смогла бы давать захватчикам достойный отпор на каждое действие. Если раньше Бравлин избегал отсиживания за городскими стенами, чтобы не подвергать город изнурительной долговременной осаде и штурму, то сейчас уже Бравлину невозможным стало набрать такую дружину, которая имела бы возможность встретить врага в чистом поле, не победить, но и не проиграть в открытом сражении. Таких сражений за двенадцать лет было множество, с разной степенью удачи или неудачи, но ни разу Карл не мог сказать, что он разгромил вагров. Они стойко выдерживали первый удар обычно превосходящего по численности противника, а потом отвечали своими ударами, многочисленными, молниеносными и болезненными ударами, нанося противнику значительный урон. Сейчас же, если и выдержать первый удар франков, уже неостанет сил на свой удар в ответ. На единственный свой удар, не говоря уже о многократных, как было раньше.

Собрав все данные разведки воедино, привычно записав всё это на бумаге в один столбец, в другой записав свои наличные силы, и сравнив, Бравлин сделал неутешительный для себя вывод. Впрочем, вывод этот не стал для него неожиданностью. Князь уже знал точно и раньше, что в этой войне ему не удастся выстоять. Эта была горькая правда, но она была правдой, от которой отворачиваться нельзя. Оставалось надеяться только на удачный поворот событий, как случилось тремя годами раньше в соседями-бодричами, которые, казалось, вот-вот совсем сгинут под натиском данов, но они не только не сгинули, они победили.

Только такого момента ожидая, Бравлин готов был вести свои полки в бой. И даже надеялся, что сегодняшняя экспедиция воеводы Веслава чем-то сродни тем стремительным походам, что три года назад совершал против данов князь-воевода бодричей Дражко. Может быть, судьба и ваграм, как и бодричам, подарила свой шанс.

Но повернёт ли Веслав войну в другую сторону?..

Бравлин верил, что Веслав не менее талантливый полководец, чем князь-воевода Дражко. Среди вагров равным Веславу мог считаться только тысяцкий князь Куденя. Они с Веславом были совершенно разными людьми. Куденя, по большому счету, был даже не полководцем, который ведет полки за собой, а военачальником, который планирует каждое действие своих полков, высчитывает возможное и невозможное за себя и за противника, и редко ошибается. Обычно Сам князь Бравлин прислушивался к мнению того и другого. И старался совместить эти мнения. Но Куденя был хорош за столом, когда составлялись планы. А Веслав был хорош именно в бою, когда требовалось поднять людей, и повести их за собой, воодушевить собственным примером. Однако, в этот раз противник у Веслава был равен ему по силам, и поход воеводы был рискованным мероприятием. И теперь оставалось только ждать сообщений от уходящей дружины. Долго и болезненно ждать этих сообщений, надеясь и теряя надежду, вновь её обретая, перебирая в уме все варианты, какие могут быть возможны. Но руководить действиями походной дружины отсюда, из города, невозможно...

* * *

Чтобы собрать в незапланированный заранее поход рать, воеводе Веславу много времени не понадобилось. Все войска в столице княжества стояли в положении готовности, и каждый всадник готов был за считанные минуты оседлать коня, взять в руки оружие, и вскочить

в седло. И хотя большинство конников было родом из города, и стояло на домашнем кормлении, а не в княжеской конюшне, времени много, чтобы собрать их, не потребовалось. Не так велик Старгород, чтобы его жителей трудно было оповестить. И через полчаса конные полки уже выстраивались в колонну за полуночными городскими воротами, а провожающие их жёны, наспех прибранные, образовали толпу на привратной площади в самом городе.

Здесь же, за воротами, держась чуть особняком и никем не провожаемая, приготовилась и сотня стрельцов-словен во главе со своим молодым сотником Русалко. На слова Веслава о просьбе князя Бравлина Русалко отреагировал только согласным кивком, никак не проявив ни радости, ни недовольства. Русалко выглядел мрачнее обычного, но этому Веслав не удивлялся, поскольку события последних дней кого угодно сделают мрачным. Ранение княжича, подозрение, павшее на сотню, высказанные подозрения в сторону княжича Вадимира, в отличие от Гостомысла, ваграм не знакомого – всё это будоражило голову не одному только молодому сотнику.

Веслав, как обычно, окружённый со всех сторон своими ближайшими дружинниками, которые готовы были пойти за воеводой куда угодно, подражающими ему, и готовыми к самой серьёзной сече, занял в большом конном полку передовое положение, и, сделав знак рукой, первым двинулся в дорогу. И сразу разогнал длинную колонну в прыткую рысь. Воевода рассудил, что лучше дать лошадям, как, впрочем, и людям, отдых уже ближе к месту предстоящего сражения, чем долго мучить их неторопливой расслабляющей ездой, при которой глаз сомкнуть и невозможно и просто опасно. В такой дороге утомятся и кони, и люди.

Сразу от города дорога была мощена булыжником, и копыта коней звонко цокали по камням, не присыпанным снегом, на который зима в нынешнем году оказалась необычайно жадна. Шум от этого шёл такой же, как мог бы идти от средних размеров сражения. Но такая дорога, к счастью, тянулась недолго. Сначала окружающие поля, всё же присыпанные, в отличие от дороги, лёгким не растаявшим снегом, сменились тёмными сосновыми борами, потом и сама дорога из мощёной плавно перешла в грунтовую, и основательно изъезженную. Однако даже днём, при сыром, дующем с моря ветре, лёгкий морозец всё же держался, и сковывал землю по всей поверхности. Ночью же морозец превращался в мороз, хотя и бесснежный, и держал дорогу прочно, делая её жёсткой и колючей, но удобной для прохождения больше, чем дождяная грязь, которая в здешних местах часто встречается даже среди зимы.

За непродолжительное время кони стрелецкой сотни словен уже успели отдохнуть после длительного изнуряющего пути от Славена до Старгорода. И теперь шли в том же темпе скорой рыси, что и остальные кони, и, казалось, в отличие от людей, усталости не ощущали...

* * *

К месту предполагаемого отдыха добрались за два с половиной часа. Ещё около двух часов оставалось до рассвета, когда Веслав выслал вперёд разведку и объявил всем сотникам и трём другим воеводам дружины, чтобы по возвращению разведчиков они все собрались около него. Только сотника Русалко позвал сразу.

Русалко, похоже, знал, о чём пойдёт разговор, и потому, опережая, сам заговорил:

– У меня к тебе, воевода, просьба. Моя сотня у тебя вспомогательная. И мы, вроде как, и не воюем с Карлом. Если бы княжич Гостомysl приказал, это было бы понятно... А так, без приказа, просто по просьбе вашего князя... Я вот всё думаю, не самоуправствую ли я? Но, раз уж решился, значит, отступать поздно. Но я тебя просил бы моих стрельцов не разбрасывать по полкам. Вместе мы силу представляем, а от разбросанных от нас мало толку будет... Среди чужих моим стрельцам трудно будет. И княжич такого разорения не одобрил бы. Он у нас в сече старается Войномиру подражать. А князь Войномир, как и князь-вое-

вода Дражко, любит стрельцов отдельным ударным кулаком держать. Ты сам видел удар такого кулака...

– В каждой стране свои обычаи войны, – мрачно возразил Веслав, похоже, как раз и собравшийся распределить по отдельным полкам стрельцов Русалко. – Мы привыкли воевать так, как наши отцы и деды воевали, по их уложениям. Но в другом ты прав, и я возразить тебе не могу – словене не воюют с Карлом, и твой княжич не дал тебе приказ, потому и я приказывать тебе не могу. И пусть по-твоему будет, тем более, на переправе твои стрельцы показали себя хорошо, и я убедился, что доверять вам можно.

Веслав в раздумье почесал бороду.

– Тогда сделаем так: дождись, когда вернутся разведчики, и я соберу других сотников, тогда я и покажу тебе место, где твои стрельцы встанут.

Разведчиков ждать пришлось не долго. И принесли они весть ожидаемую. Войско графа Оливье стояло лагерем перед рекой. Сейчас уже поднялись, и готовятся сняться, чтобы переправиться по Красному перекату рядом со смытым осенним многоводьем мостом. Переправа начнётся, надо полагать, на рассвете.

– Сигтрюгга не видели?

– Он по ту сторону реки. Должно, по кустам своих «рогачей»² рассадил. Обещал атаковать франков, только, когда часть войска переправится...

– Пора и нам... – встал Веслав. – Вода в реке холодная, не дадим же франкам простыть. Они родом из краев более теплых, солнце больше снега любят.

Вслед за воеводой встали все сотники. Они готовы были к атаке.

– Русалко... – позвал Веслав.

Стрелец вопросительно поднял голову.

– Опережая наших, заходи сбоку франкам. И переправу контролируй, и их флангам разворачиваться не давай. Франков всё ж пять тысяч... Сколько там Сигтрюгг через реку пропустит, неведомо... Могут и обхват сделать...

– Я понял, – согласился Русалко...

² «Рогачи» – скандинавские воины обычно носили рогатые шлемы, и для устрашения врага красили рога в цвет крови.

Глава четвертая

– Люди, когда кормят детей, почему-то избегают любой активной физической деятельности. Считается, что кормящая мать должна больше отдыхать и не нагружать себя... Звери и птицы же, наоборот, в этот период приобретают наибольшую активность... – философствуя, сказал князь Годослав, поглядывая, как, играя мышцами на мускулистых лопатках, рвётся с цепи его любимица Гайяна. И висящие набухшие соски самки пардуса ничуть не мешают ей. – Кстати, кто видел сегодня князя-воеводу?

Вокруг Годослава собралось большое сопровождение – и слуги, и бояре со слугами, и боярские дети, и многочисленные загонщики с традиционными трещотками³. Но никто князю не ответил, хотя все знали, что князь-воевода Дражко на рассвете должен был давать смотр собранному в единый полк боярским стрельцам, и потом присоединиться к охотникам. Однако дольше ждать уже было некогда, и, ответа не услышав, князь дал рукой знак – к воротам.

Однако сам приподняться на стременах и оглядеться в последний раз не забыл.

Годослав не особенно беспокоился, хотя после вчерашнего покушения на Дражко на душе и у самого князя было так же неуютно, как неуютно, должно быть, было на душе у князя-воеводы. Но если бы что-то произошло, Годославу сразу доложили бы. К тому же князь-воевода и сам предпринял необходимые меры защиты, и волхв Ставр обещал позаботиться о том же. Но сейчас нигде не было видно даже самого Ставра. Впрочем, волхв обычно появлялся рядом с Годославом именно тогда, когда он был особенно необходим. Если не появился сегодня утром, значит, необходимости в этом он не видел.

Кавалькада охотников выехала на городские улицы, где к ним присоединились и другие охотники – боре и их окружение, и растянулась на целых два квартала. Годослав, возглавляющий кавалькаду, умышленно придерживал повод, чтобы не торопить коня. Делал он это потому, что всё ещё ждал, когда его догонит Дражко, или хотя бы волхв Ставр с новостями о князе-воеводе. И ещё потому, что горожане, несмотря на ранний час, вышли на улицы толпами, чтобы поприветствовать своего князя, которого в последнее время видели не часто. Годослав, сам не зная почему, стал избегать выхода в город. Наверное, домашние дела делали его более замкнутым, чем прежде, и он попросту стеснялся, понимая, что среди горожан обязательно должны возникать разговоры о княгине Рогнельде и о том, кто станет наследником Годослава. Князь принадлежал к тем людям, которые любят, чтобы о них знали всё хорошее, и предпочитал никогда не выносить сор из избы, то есть, не выставлять напоказ свои семейные проблемы.

Мощёные рубленным камнем мостовые гудели от множества копыт. Этот шум обязан был разбудить даже тех, кто поленился встать в такую рань, чтобы посмотреть на выезд княжеской охоты. Но таких, наверное, нашлось немного, потому что толпой были заполнены даже боковые улицы. И там, где улицы заполняет толпа, обязательно появляются, в надежде получить подачку, и многочисленные уличные собаки. Но сейчас подачек собакам не давали, да и им самим было не до того, когда княжеские охотники вели на цепном поводу таких больших длинноногих кошек, способных одним ударом лапы свалить любую собаку. Но собаки сами хорошо знали, что такое цепь, и понимали, что кошки на цепи для них неопасны, если близко не приближаться. И потом лаяли из-под ног горожан, дальше не высываясь.

³ Загонная трещотка – специальное деревянное приспособление для создания шума, чтобы пугать в лесу зверя и выгонять его на охотников. Примерно такие же трещотки использовала в средние века городская стража, шумом показывая горожанам, что она не спит, и обходит улицы. Считалось, что треск отпугивает воров.

Охотничий досмотрщик Божан величественно шёл впереди князя Годослава, до локтя намотав на руку тройную звенящую серебряную цепь, на которой вёл Гайяну. От присутствия множества людей Гайяна чувствовала себя не спокойно, но она не в первый раз отправлялась на охоту, цепь тянула, но не настолько сильно, чтобы Божан не смог удержать её. Да и по другой причине Гайяна не могла бы рваться вперёд слишком активно – позади князя вели лошадь с двумя притороченными в специальному седлу большими корзинами, в которых везли котят Гайяны. Как заботливая мать, пардусиха не могла уйти от них слишком далеко, и оставить на попечение людей, которым она не слишком доверяла. А из всех людей Гайяна доверяла только Божану и Годославу, прекрасно распознавая острым кошачьим чутьём господина и слугу, и отдавая одному из них естественное предпочтение.

Три других княжеских пардуса, кот и две молодые кошки, на таких же цепях, как и Гайяна, только не серебряных, а простых, железных, шли недалеко позади, и вели себя похоже. На людей не реагировали, на собак не рычали и даже не шипели, но держали цепи внатяг, проявляя понятное беспокойство дикого хищника перед людским многоголосьем и невнятным шумом.

Так же неторопливо, как городские кварталы, миновали распахнутые настежь городские ворота, где князь не забыл приветливо поздороваться с сотником городской стражи, отчего сотник покраснел и весь засиял лицом. За воротами ситуация изменилась мало – теперь приветствовали князя уже жители многочисленных пригородов, посадов, пристроев, и крестьяне, отправляющиеся спозаранку в город, и тоже запрудившие дорогу. Но скоро кавалькада, оставив главный шлях сбоку, свернула в сторону княжеских охотничьих угодий, и ехать стало легче. Даже Божан сел на коня, и отпустил цепь на большую длину, не опасаясь, что Гайяна проявит нрав хищника не в том месте, где она должна его проявить. Вообще-то пардусы никогда не нападают на человека, даже дикие, однако отмахнуться лапой от докучливых и излишне любопытных могут так, что здоровья и красоты это не добавит никому. Княжеские пардусы не любят панибратства, тем более, от людей не знакомых или малознакомых.

Мороза в это утро не было, солнце светило ярко, и уже с утра начало оттаивать смёрзшуюся было за ночь грязь. Если бы не сырой ветер, можно было бы утверждать, что погода прекрасная, как специально подготовленная для охотничьего дня. Но ветер охотников не смущал. Даже сам Годослав, несмотря на повседневные заботы, вызывающие у него усталость, и на новые заботы, связанные с событиями вчерашнего дня, казался довольным, и нёс на лице лёгкую улыбку. А как охотнику не улыбаться в преддверии охоты! Поддерживая княжеское настроение, улыбались и бояре, и все другие охотники. Только один князь Додон сидел в седле молча и насупившись, всем показывая свою обиду, однако охотой не пренебрёг, следовательно, не считал, что для него всё потеряно. Годослав, конечно, заметил и Додона, и без проблем определил его состояние. И даже видел, как тот осматривается, кого-то выискивая. Понять, кого ищет князь не трудно. Додону очень хотелось посмотреть на князя Войномира и определить, насколько тот близок со своим дядей. Но Войномир с рассвета должен был находиться рядом с князем-воеводой Дражко, и вместе с ним прибыть к началу охоты. Пока не прибыл, и Додон беспокоился, боялся, что молодой князь-воин уже отбыл на Руян, и уже поздно предпринимать какие-то меры к повороту событий в иную сторону. Хотя какие мера можно было бы предпринять против княжьей воли, Додон, скорее всего, даже не предполагал.

К большому княжескому лесу, где запрещалось охотиться другим бодричам, где запрещалось даже деревья рубить, чтобы не спугнуть предназначенную для княжеского дома дичь, подъехали через час. Здесь, около двухэтажного охотничьего дома, выстроенного в форме лежащей подковы, уже готов был к встрече лесной смотритель Вратко со своими помощниками.

– И как там наш секач? – в ответ на приветствие, сразу поинтересовался Годослав.

– Секач давно дожидается встречи с Гайяной, – смотритель вежливо и с достоинством поклонился, и посмотрел куда-то за спину князю. – Пока я расставляю загонщиков по местам, стол в доме ждёт тебя, княже... И князя-воеводу тоже ждёт, как и всех твоих гостей...

Обернулся и сам Годослав. По дороге, обгоняя растянувшуюся кавалькаду, скакало несколько вооружённых всадников. Если большое расстояние не позволяло рассмотреть знаменитые усы князя-воеводы Дражко, то высокую фигуру волхва Ставра спутать с любой другой было трудно. Но и самого Дражко Годослав узнал по вольной, прямой посадке в седле – даже при быстром беге коня Дражко не любил склоняться к конской гриве. Рядом скакал, не отставая, скорее всего, князь Войномир. А остальные, что слегка отстали, были, наверное, воинами сопровождения, призванными обеспечить безопасность князя-воеводы. И отстали они не потому, что кони их были значительно хуже, а только потому, что показывали этим уважение к Дражко. Впрочем, Годослав посчитал, что охране следовало бы несколько человек пустить и впереди князя-воеводы. Так было бы, наверное, надежнее...

* * *

– Извини, княже, что мы опоздали к выезду, – приложив руку к груди, первым сказал Дражко, склонив усы и чуть-чуть голову.

Так же уважительно склонил голову и князь Войномир, и только волхв Ставр сидел в седле прямо, никак не показывая своих эмоций.

– Давал смотр стрельцам? – спросил Годослав.

– Да... Сначала смотр стрельцам, потом вынужден был ненадолго навестить своё имение. Были срочные дела...

Дражко никак не показал голосом того, что выражало его лицо – и глаза, и, особенно, усы, сердито вытянувшиеся в стороны. Вокруг было слишком много посторонних, чтобы разговаривать громко о цели поездки домой. Годослав понял, что есть новости, и, очевидно, они пришли от Ставра. Но у волхва лицо было таким же непроницаемым, как и раньше.

– Хорошо, что вы успели до начала охоты. Впрочем, до охоты нам предстоит небольшое застолье, и оно тоже не повредит вам... Как хозяин дома, я приглашаю всех занять места за столами, – сказал князь уже громко.

И тронул повод, чтобы проехать к боковому крыльцу, тогда как все остальные направились в середину «подковы», к крыльцу парадному, откуда сразу можно было попасть в большую гостиную охотничьего дома. За Годославом потянулись Дражко с Войномиром и волхв. Годослав успел заметить, что князь Додон, уже увидевший князя Войномира, приблизился, чтобы, наверное, завести с ним разговор, как только тот останется один. Но Дражко не оставил Войномира одного, имея к тому, видимо, какие-то причины...

* * *

По рангу, который Годослав, кстати, соблюдал только тогда, когда ему этого или хотелось, или была к этому необходимость, князю было положено выходить в обеденную горницу только после того, как все рассядутся за столами. А этот процесс обычно занимает несколько беспокойных минут, связанных со многими обязательными препирательствами из-за близости отведённых каждому мест к княжескому столу. И потому время для разговора с Дражко у Годослава было.

– Я так и думал, что-то случилось... – князь первым начал разговор.

– Случилось то, – мрачно и с заметной обидой в голосе сказал князь-воевода, – чего в наших краях прежде не было. И сам решай, что мне делать, если Ставр отказывается выполнять мои распоряжения...

Годослав коротко бросил взгляд на волхва.

– Так что всё-таки произошло? Я так и не понял... Чего у нас прежде не бывало?

– У нас не воровали людей...

– Воровали людей?.. – переспросил удивлённый Годослав. – Слава Свентовиту, до такого у нас дело не доходило...

Дражко сердито стукнул ладонью по рукоятке меча.

– Мы с князем Войномирком давали смотр стрельцам. Чтобы облегчить тем минуты расставания с домом и своими боярами, на смотр я вызвал и свою дружину. Люди так устроены, когда они видят, что не одних их касается дальний поход, им легче в него отправляться. В доме у меня, после ухода дружины, осталось только несколько человек дворовых, да десятков воев, кто всегда сопровождает в походах лично меня. Они не пошли с дружиной. И в это время на дом напали...

– Напали на твой дом? – опять переспросил Годослав. – Да кто ж посмел?!

– Спроси у Ставра... Напали на воев, большой, надо думать, бандой...

– Десятка три напало... – сообщил Ставр так хладнокровно, словно это происшествие мало его взволновало, и он вообще будто бы не желал придавать событию хоть какое-то значение.

Дражко продолжил:

– И пока мои вои во дворе отбивались, закрыв ворота, ещё кто-то проник в дом с другой стороны, и украл у меня рабыню, про которую я вчера рассказывал... Ту самую танцовщицу...

– К которой ты, кажется, не равнодушен... – в голосе Годослава прозвучала добродушная насмешка. Такая добродушная, что не должна была бы обидеть князя-воеводу.

– Мне нравилось проводить с ней время... – мягко сказал Дражко. – Но меня больше всего возмущает не само похищение, а состояние, в котором оказалось наше княжество. Если нападают на дом такого человека, как я, то как могут себя чувствовать в своих домах простые люди?.. Как я после этого проеду по городу? Закрыв лицо полумаской с бармицей, чтобы никто не узнал?.. Мне будет просто стыдно ехать по улицам с открытым лицом, как я привык всегда ездить...

– И что же Ставр? – Годослав повернулся в сторону волхва.

– Ставр, не слишком торопясь, приехал ко мне, и сообщил эту новость. Оказывается, он лично наблюдал всё происходящее вместе со своими разведчиками, и не вмешался. Я подумал, что он хотя бы погоню учинил, и сыск начал, а он, ты сам посмотри, на мою беду только усмехается... И ничего делать не желает...

– Всё делается своим чередом... – покачав, словно отвергая сомнения, головой, спокойно ответил Ставр. – Я ещё ночью знал, что решается вопрос о том, что заговорщики будут принимать сегодняшним утром. Первоначально они планировали попасть сюда...

– Сюда? – переспросил Годослав.

– Да. Они думали убить князя-воеводу на охоте стрелой, пущенной из кустов. В общей толчее это могло бы пройти незамеченным...

– И ты молчал? – спросил князь. – Знал и молчал?

Ставр не потерял своей невозмутимости.

– Зачем поднимать лишний шум... Я намеревался принять собственные меры. Сам Барабаш готовился обезопасить князя-воеводу от стрелка, которого специально для этого привезли издалека взамен первого, которого захватили Дражко с Власко. От стрелы Барабаша никто уйти не сумеет. Мы все многократно видели, что может его стрела.

– И что же дальше? – поторопил волхва Годослав.

– Мне необходимо было узнать, зачем им нужно это убийство, и кто за всем этим стоит.

– И ты узнал? – спросил сам Дражко.

– Я только догадался, что наш князь-воевода совсем им не нужен. Вернее, он просто является посторонней помехой, которую пытаются убрать с пути к какой-то другой, большой цели...

– Спасибо, утешил... – съехидничал Дражко. – В самом деле, что убить князя-воеводу, к тому же родственника правящего князя, что какого-нибудь нищего бродягу без дома, без имени – этим людям, видимо, все равно.

– Должно быть, именно так. Как я понимаю, эти бандиты не собираются долго у нас задерживаться, и стремятся куда-то дальше. И им мало интереса, какой переполох может подняться в княжестве, если будет убит князь-воевода.

– И что это за цель, к которой они стремятся? – более настойчиво спросил Годослав.

– А вот этого я пока не знаю, – волхв обычно знал, практически, все. И если уж он сознавался в том, что не знает нечто важное, значит, это важное тщательно скрывалось.

– Так что же ты знаешь? – Годослав начал уже сердиться.

– Я знаю только промежуточный момент. Заговорщикам нужна была та самая Гюльджи, рабыня князя-воеводы. И убить его пытались только для того, чтобы было легче освободить её... Прямо скажу, довольно резкие меры, которые были вызваны, как я думаю, срочностью. Вчера вечером, можно сказать, что уже ночью, кто-то сообщил заговорщикам, что на рассвете князь-воевода вместе с дружиной покинет дом, где почти не останется охраны. И тогда решено было отменить покушение, чтобы предпринять атаку на дом...

– Но... – сказал Годослав. – Это можно было бы пресечь сразу... Если ты всё знал, то... В конце-то концов, у нас в княжестве никогда не было такого откровенного разбоя. И, чтобы дать урок другим, его требовалось сразу пресечь.

– Тогда я не узнал бы главного – зачем им нужна была эта Гюльджи больше, чем она нужна была князю-воеводе.

– Любовная история? – спросил молчавший до этого молодой князь Войномир, который в соответствии со своим возрастом во всём готов был видеть любовные истории.

– Как правило, – возразил Годослав, – во имя любви подвиги совершают в одиночестве. А здесь действовала такая большая и опасная банда... Я готов не одобрить действий Ставра. Эта банда остаётся опасной, и нам, возможно, еще придется о ней услышать.

– Нет, княже, – не согласился волхв. – Она покидает пределы княжества. Если ещё не покинула их, хотя по времени еще рано.

– И куда же заговорщики отправились?

– Прямоком в земли соседних саксов. Может быть, в земли вагров. Мне трудно сказать, какую дорогу они выбрали после переправы, поскольку мои люди, что провожали беглецов, пока не вернулись.

Князь-воевода, высказав свои претензии к Ставру, задумался. Это заметил и Годослав.

– Не грусти, Дражко. На твоём веку будет ещё много красавиц.

– Будут. И я не о потере думаю. Меня один момент сильно смущает... – ответил князь-воевода. – Когда убегают, всегда стараются передвигаться быстрее. Похитители же захватили с собой три сундука с вещами Гюльджи. Большие тяжеленные сундуки...

– Что там было?

– Откуда я могу знать... Я не имею привычки рыться в чужих вещах, даже, если это вещи моей рабыни. Тем более, если это вещи моей рабыни.

Годослав, как делал это обычно, за разъяснениями повернулся в сторону волхва.

– Я сам видел, как эти сундуки подвешивали на спину выючным лошадям, – сказал Ставр. – Признаться, меня это тоже заинтересовало. Тем более, интересует сейчас, потому что они эти сундуки бросили по дороге вместе со всеми вещами. Только вот в чём вопрос – со всеми ли вещами? Может быть, они взяли что-то, что им было нужно, а остальное бросили?

– Они могли бы взять это и в доме, – возразил Войномир.

– Торопились. Некогда было искать. Боялись возвращения князя-воеводы с дружиной.

– Неужели сама Гюльджи не знала, где и что у неё лежит? – пожал плечами Годослав. – Дражко, ты видел, чтобы твоя рабыня рылась в этих сундуках?

– Ни разу. У неё был ещё один сундук с её нарядами. Он остался в моём доме. На память... Как и золотой «зуб змеи». Она потеряла этот «зуб» на пороге комнаты.

Князь воевода вытащил из-за пояса и показал маленький кривой кинжал. Скорее игрушка, чем оружие, поскольку золотым лезвием трудно кого-то убить.

– Позволь, княже, посмотреть мне? – попросил Ставр. – А чуть позже я хотел бы посмотреть оставшиеся вещи твоей рабыни...

Дражко ответить не успел, потому что открылась дверь, и глашатный Сташко, с вечера уже пребывающий в охотничьем доме, стукнул посохом в пол:

– Гости ждут гостеприимного хозяина, княже. Все расселись, кроме вас.

– И ещё у меня вопрос к тебе, – Годослав повернулся к Ставру. – Откуда заговорщики знали, что Дражко будет утром давать смотр войскам?

– Это я уже старался выяснить, – ответил волхв. – Но ухватиться, кажется, не за что. Однако осведомитель у них информированный. Он может входить только в твоё ближайшее окружение. Или быть одним из слуг, посвящённых во многие дела.

– Ищи, – собравшиеся на лбу князя морщины говорили о серьёзности приказа...

Глава пятая

Жалтонес Рунальд стоял на крыльце, держась двумя руками за длиннющую бороду, словно опирался на неё, как на посох. И смотрел на пленника тяжёлым немигающим взглядом из-под сведённых на переносице лохматых и растущих кустами бровей.

– Мне, говорю, его отдайте. Он мне нужен, – голос лива был суров и полон решимости. Он словно не сомневался в своём праве распоряжаться здесь, возле своей избушки, словно был воеводой и все эти вои входили в его дружину.

Однако никто не поторопился удовлетворить требования «пня с бородой». Более того, вои откровенно желали возразить.

– За этим человеком погоня по всем медвежьим углам княжества разослана. Его княжеский кат в нетерпении дожидается, чтобы поговорить, – покачивая в сомнении головой, сказал сотник Заруба. Но что-то почувствовал во взгляде жалтонеса, и добавил уже мягче. – Если и дадим, учти, исключительно на время. Смотри только, не умори его своими змеями. Ему есть, что князю Бравлину сказать, и князь нас не поймёт, если мы тебе жизнь пленника подарим.

– Если говорить не захочет, своё он и здесь получит, – жалтонес обернулся на скрип, и прикрыл за собой дверь так, словно кто-то мог из-за неё не вовремя показаться. – Не родился ещё тот человек, что на вопросы Парима не ответит.

– Кто такой Парим? – не понимая, спросил Заруба.

Вместо ответа жалтонес по-змеиному зашипел, и часто зацокал языком, изображая неведомую змею. Однако все поняли, кого лив имеет в виду.

– Что с княжичем? – по-своему отреагировал на это Бобрыня.

Жалтонес не ответил, по-прежнему глядя на пленника.

– Выживет хоть, скажи, – даже рядом с крыльцом, на земле стоя, тогда как сам хозяин избушки с крыльца не спустился, Телепень всё равно был выше его ростом.

– А вот он нам и скажет, – ни при одном слове не меняя по-змеиному ледяную и скрипуче вибрирующую интонацию голоса, Рунальд кивнул на пленного стрелецкого десятника. – Он лучше других знает, что его стрелы несли. А мои змеи пока не понимают, что это за яд такой. Ведите его ко мне. Только осторожнее, на моих друзей в темноте не наступите. Они иногда волнуются. Но вы не бойтесь, не тронут, если не наступите.

Он несколько раз сердито хихикнул, словно ёжик фыркнул, повернулся, и ушёл за дверь первым. Недолго посомневавшись после такого жуткого предупреждения жалтонеса, Бобрыня с Зарубой подхватили Парвана под локти, на ноги поставили, встряхнули основательно, и подтянули к крыльцу. Остальные дружинники, вникая в слова «пня с бородой», не спешили им помочь. Только Телепень, который, как все говорили, сообразительностью не отличался, подтолкнул стрельца тупым концом копья в спину. Не так, чтобы слишком сильно, но Парван чуть не упал от такого посыла, несмотря на поддержку с двух сторон, но, опасаясь повторного, более весомого посыла, сам начал неразгибающиеся ноги передвигать. А Телепень следом двинулся, тем же копьём поигрывая, словно спине угрожая.

– Ты-то куда? – с усмешкой спросил его дружинник Ждан. – Там же змеи ползают.

Телепень оглянулся вопросительно, будто не понимая, о чём речь. Ждан объяснил:

– В избушке, говорю, змеи...

Только теперь несообразительный дружинник догадался, рост позволил ему через плечо низкорослого Зарубы посмотреть на дверь, и повернуть назад уже с первой ступени крыльца.

– А княжич? – шепотом, словно боясь, что змеи его услышат, спросил Телепень того же Ждана. – С ним что?

– Княжич с жалтонесом.

– И что ж? Нечто змеи жалтонеса слушаются?

Ждан к Телепеню давно привык, и хорошо знал, что тому надо всё объяснять в подробностях. До высоко расположенной головы не скоро доходит то, что говорят снизу.

– Не понимаешь? Это же не кто-то, это – жалтонес, заклинатель змей. Все гады его слушаются, как своего князя. Он – змеинный князь...

– Князь змей... – понял, наконец, Телепень, и согласно закивал головой.

И, оценив теперь ситуацию, дружинник откровенно опасливо глянул на дверь, которая только что закрылась словно бы сама по себе, потому что рядом с ней никого не было – Рунальд ушёл первым, сотники Бобрыня с Зарубой в четыре руки держали испуганного стрелецкого десятника, не давая тому вырваться. Княжич Гостомysl, который находился внутри, был не в таком состоянии, чтобы дверь закрывать, да и не княжеское это дело. А больше в избушке не было никого, это знали все. И потому все остальные дружинники, глядя на закрывающуюся дверь, замолчали, и даже отступили от избушки на шаг. Дружинники не боялись вражеских стрел и мечей, они не боялись своих волхвов, потому что не ждали от них непонятных неприятностей. Волхвы обычно вообще избегали оглашения своих дел, если только не видели в этом какой-то необходимости. Но жалтонес – волхв чужой, и, не понимая его помыслов и действий, опасаться его следует. По крайней мере, не стоит безоглядно ему доверять...

* * *

Меж тем, сотники смело и даже с каким-то любопытным отчаянием ступили в полумрак избушки, всё освещение которой состояло из отблесков пламени, горящего в печи, да лучины, закреплённой в стене рядом с единственным тёмным окном. Надо отдать им должное, они, как воины, никогда не пугались смерти в бою, но иметь дело с ядовитыми змеями не хотелось ни тому, ни другому. Тем не менее, они пошли, переборов естественное состояние опасения. Пошли, толкаемые один любопытством, второй – опасениями за жизнь княжича. Однако идти так же стремительно, как это сделал сам жалтонес, и они не решались. В первую очередь, потому, что сразу слышали наводящее ужас змеиное шипение из всех углов, и даже из-за закрывшейся самостоятельно двери, и не знали так же хорошо, как «пень с бородой», где змеи располагаются. При этом, хорошо понимая, что змеям полагается зимой спать, прекрасно помнили, что разбуженная змея всегда представляет тройную опасность из-за естественного скверного настроения. Человека разбудишь не вовремя, и то он пребывает не в лучшем состоянии духа, и на весь мир злится без видимой причины. А что же о змеях говорить! Кроме того, пленник, напуганный и этим шипением, и своим положением, и непонятной речью Рунальда, сопротивлялся, и идти не желал, и, как только обнаружил, что долговязого Телепеня нет за спиной, постоянно пытался присесть. В итоге получалось, что два сотника почти тащили его, а десятник ноги поджимал, еще и потому, что боясь укусов аспидов, что для любого человека естественно.

И, при всей сложности положения, Бобрыня всё же сразу посмотрел на печку, где заметил лежащего и по грудь укрытого множеством мехов княжича Гостомысла. Княжич спал, тяжело, с хрипом дыша во сне, как дышит больной человек. Но, главное, он дышал, а пока человек дышит, его сердце бьётся, и, значит, есть надежда на исцеление. Это сотника несколько успокоило и придало ему сил и решительности.

Жалтонес внезапно заговорил на непонятном обоим сотникам языке. Скорее не заговорил, а зашипел с каким-то странным потрескиванием или, скорее, прицокиванием. Всего несколько фраз, которые заставили и Бобрыню и Зарубу одновременно вздрогнуть, почувствовав холодок, пробежавший по коже. А уж десятник вообще затрепетал в их руках, как бабочка.

– Бросьте его туда... – прерывая непонятную речь, «пень с бородой», или «князь змей», как назвал его Телепень, сказал по человечески, и показал властным, почти королевским жестом на угол, заваленный кучей прелой соломы.

Сотники с удовольствием согласились избавиться от ноши, и толкнули Парвана в этот угол. Но едва Парван устроился в углу, прижавшись к холодным стенам спиной и руками, как испустил жуткий тонкий крик. Закричать ему, признаться, было от чего, сотники поняли это сразу. Даже неверный и слабый мерцающий свет, идущий от печи, позволил им увидеть, как из соломы выползают и обвивают стрелецкого десятника три большие змеи. Это были не привычные взгляду гадюки славянских лесов, пусть и ядовитые, но укусы которых не смертельны, и с которыми славяне обучены бороться и лечиться от их укусов. Это были какие-то крупные неведомые змеи, и широкими плоскими головами на жёлтом упругом туловище. И плоские головы эти, поднявшись до уровня лица жертвы, дополнительно раздулись в ширину, став ещё более плоскими, и замерли перед пленником. Замерла и жертва, не имея воли и сил к сопротивлению.

Почувствовав за спиной какое-то движение, Бобрыня резко обернулся, и увидел, что жалтонес вообще на Парвана не смотрит, и даже отошёл на два шага к печи, чтобы заглянуть в лицо Гостомыслу. Но для этого ему потребовалось даже на лавку встать. И этот взгляд заставил Рунальда сомнительно и сердито мотнуть бородой, как другой бы махнул рукой.

– Что скажешь? – сурово спросил Бобрыня, помня, как в первый раз жалтонес на вопрос о здоровье княжича ничего не ответил, и сейчас твёрдо намереваясь ответа добиться. Должно быть, лив по тону вопроса понял, что ответить ему следует.

– Мои змеи не узнали яд. Даже сам Парим, самый умный и мудрый из них, знающий почти всё, не узнал, – сказал Рунальд. – Как я могу лечить, если не знаю, от чего лечить. Если только этот стрелец скажет.

Так Рунальд и на вопрос сотника ответил, и попутно объяснил своё желание познакомиться с Парваном поближе.

Парван между тем замер, как окаменел, подняв перед собой руки, защищая лицо, но не смея шевелить ими. И три змеи, поднявшись в боевые позы, смотрели пленнику прямо в лицо, и легонько раскачивались из стороны в сторону, словно готовились к стремительному и смертельному поражающему броску.

Сдвинув брови, Бобрыня шагнул к десятнику, впрочем, не настолько близко, чтобы змеи, одна из которых слегка повернула голову в сторону сотника, могли достать и его.

– Слышал, подлый убийца, что спрашивает Рунальд? – голос прозвучал так, словно Бобрыня готов был после слов выхватить меч, и не дать змеям позабавиться с человеком.

– Слы-ы-ышал... – даже едва различимый дрожащий шёпот никак не сочетался с немигающим и неподвижным взглядом Парвана, который был устремлён на ближайшую к его лицу змею, тоже слегка подрагивающую головой, нервно, с угрозой.

И вторая змея смотрела на десятника точно так же. И третья змея тоже.

– Говори...

– Подожди, – остановил допрос жалтонес. – Сначала мои змеи объяснят ему, как надо говорить, потом Парим скажет мне. Подожди немного, не мешай. Время подойдёт, я сам спрошу.

Со стороны посмотреть, змеи и стрелецкий десятник в самом деле «молча разговаривали». Они смотрели друг на друга, и Парван иногда согласно кивал, хотя и не произносил слов. Но «беседа», похоже, протекала всерьёз. Сотники замерли точно так же, как десятник, не решаясь помешать этому неслышному им разговору.

– Да-да. И это, Парим, тоже спроси, – словно бы мимоходом давая подсказку, сказал жалтонес. – Обязательно спроси.

Он, в отличие от Бобрыни и Зарубы, кажется, немой ледяной разговор слышал и прекрасно понимал, и даже выделял его из шипения других змей, спрятавшихся в тёмноте, а, может быть, и их подсказки тоже слушал и принимал к действию.

Сам жалтонес отошёл в другой угол, где у него из грубых, неструганных досок было сооружено что-то вроде стола, похожего на неглубокое корыто, рассматривал в полумраке и нюхал содержимое многочисленных глиняных плошек, которые он без конца переставлял с одного места на другое. Запах, резкий и неприятно-щемящий, из этого угла доносился во все другие, и даже вытеснял из избытки обычный для таких лачуг запах печного дыма. Но создавалось впечатление, что плошки Рунальд переставляет не просто так, а подчиняясь тому, что он слышал из «разговора» змей с Парваном. По крайней мере, так показалось сотникам, которые переглянулись, взглядом подсказывая один другому необычность явления, хотя и тот и другой в душе подозревали, что жалтонес действует и делает что-то не по необходимости, а специально для них. Думалось даже, что Рунальд и пригласил их специально для того, чтобы показать своё таинственное умение. Но развеять свои сомнения и прийти к тому или иному выводу сотники не могли. Они даже мнениями обменяться не решались, чтобы не помешать змеиную допросу.

Одна из змей, та, что ближе других приблизила голову к лицу стрелецкого десятника, прерывисто, с пощёлкиванием зашипела. Руки жалтонеса, словно получив сигнал, заработали быстрее, он без сомнения, словно давно знал, что ему предстоит сделать, выбрал несколько плошек, сдвинул их в круг, и зашептал на непонятном языке одному ему ведомые слова-заклинания, а потом, несколько раз повторив, быстро начертил в воздухе двумя пальцами тоже одному ему ведомые знаки. И зловещий шёпот лива был во многом сродни змеиную шипению. Бобрыня всегда свободно общался с ливами, понимая их без проблем, и его при этом понимали точно так же, хотя некоторые слова в языках имели разное значение даже при одинаковом звучании, и теперь сотник готов был слово сковать, что жалтонес разговаривает на каком угодно, только не на своём родном языке. Заруба же вообще отличался письменной грамотностью, и знал множество языков разных народов Европы. Не случайно он сам выехал в качестве герольда и толмача к графу Оливье, когда тот пожелал переговорить с Бравлином. Не зря князь, переписываясь со многими сторонами, всегда держал сотника при себе, пользуясь его возможностями толмача. Но сейчас и сам Заруба не смог уловить ни одного знакомого слова.

Наконец Рунальд завершил своё колдовство. Быстро, словно очень торопился, перевернул содержимое нескольких плошек в одну, из других плошек высыпал в жидкость какие-то порошки разного цвета, и эту одну плошку стремительно понёс к печи, чтобы влить в рот княжичу Гостомыслу.

– Придержите ему голову! – грозно потребовал.

Бобрыня поторопился, и выполнил приказание. Разжимать рот княжичу не пришлось, он и без того держал его приоткрытым, чтобы легче дышалось. И жалтонес вылил на язык Гостомыслу всего несколько капель какой-то густоватой вонючей жидкости. И отступил сразу после этого.

– Всё. Все выходите. Там ждите.

Сотники готовы были выполнить приказ беспрекословно, и одновременно обернулись к своему пленнику, чтобы поднять его и вывести вместе с собой. Но стрелецкий десятник уже не нуждался в чьей-то помощи. Он сидел всё в том же углу, всё так же с широко раскрытыми глазами, но глаза эти не шевелились, и руки бессильно упали на солому, а три змеи обвили бедного стрельца вокруг шеи, стремясь пробраться ему под одежду.

– Змеи его не трогали., – предупреждая естественный вопрос, сказал жалтонес, сразу оценив ситуацию. – Он умер от страха и перед ними, и перед вами, и ещё потому, что не знал, какой страх для него несёт больше неприятностей.

– И теперь некому сообщить князю, кто послал убийц к Гостомыслу... – сказал Заруба с лёгким укором, поскольку заранее предупреждал жалтонеса о необходимости доставить пленника на допрос живым.

– Он успел сказать другое, – Рунальд, казалось, совсем не чувствовал вины. – Он сказал, как можно спасти княжича. Он назвал яд. А сейчас он – добыча змей. Законная добыча.

Они много работали, спрашивая его. И сегодня его не отдадут. Кто не верит, пусть попробует забрать. Я лично на это не решусь, и другому не посоветую.

– Они что, будут есть мертвого? – спросил Бобрыня.

– Они не едят мертвечину. Они будут забирать остатки тепла из его тела, чтобы самим согреться. Эти змеи любят тепло. Они из теплых краев родом.

– Ладно, – долго горевать сотник Заруба не стал. – У меня к тебе поручение от князя Бравлина, и от князя-воеводы Дражко.

– Выходите. Я скоро сам к вам выйду.

– Что с княжичем? – всё же спросил Бобрыня.

– Я же сказал, что сам выйду...

* * *

Дверь закрылась плотно. Так плотно, словно сотники боялись, что змеи выберутся вслед за ними за порог, и ещё кого-то постигнет участь стрелецкого десятника Парвана. Но за тем, как плотно закроется дверь, сам жалтонес следил особо. Он даже к двери вслед за ними подошёл, не стал дожидаться, когда кто-то неведомый, как перед этим, дверь закроет, и дверь подтолкнул, помогая руке Зарубы. Потом, по-собачьи повернув голову набок, прислушался к скрипу ступеней. Удовлетворившись услышанным, вернулся к своему корытообразному столу, взял в руки ту самую плошку, из которой поил княжича Гостомысла, долго нюхал остатки содержимого, и осторожно влил несколько капель в рот и себе. И довольно хихикнул:

– Вот теперь меня и хозарская стрела не возьмёт.

И только после этого поправил на себе одежды, приосанился, как это любят делать люди маленького роста, чтобы казаться солиднее, и вышел за порог на крыльцо.

Вои стояли перед избушкой полукругом, в центре два сотника. Ждали молча, что скажет жалтонес своим неприятным скрипучим голосом. И он сказал:

– Княжич к обеду не сможет ещё повести рать в сечу, но сможет сесть в седло и самостоятельно добраться до Старгорода. Если, конечно, в этом будет какая-то весомая необходимость. Однако, лучше дать ему отдохнуть ещё день. У меня есть травы, которые подкрепят его тело, и вернут ясность разуму. Я устрою его на печи, чтобы пропотел. Яд уйдет из тела вместе с потом. Но кого-то он убить все равно должен. Я послал этот яд к тому, кто велел отравить стрелу. Мне не дано пока знать, кто велел это сделать. Но вы это будете знать.

– Значит, мы узнаем, кто это был? – оживился Бобрыня, и потребовал уточнения. – Как мы сможем узнать.

– Этот человек умрет от укуса змеи. Не сегодня, потому что приказу нужно добраться до чужих земель. А он умеет только ползать, но не скакать на лошади. Как доберется, это случится. Узнаете уже дома.

– А что за яд это был? – спросил любопытный Телепень.

– Яд «черного волка»⁴. Есть такой паук в хозарской земле. Очень ядовитый. А теперь, заходи. Что там еще для меня?

И королевским жестом жалтонес пригласил в избушку сотника Зарубу, который рвался выполнить поручение Бравлина и князя-воеводы Дражко.

– Значит, все-таки хозары... – вслух подумал сотник Бобрыня...

⁴ «Черный волк» – один из вариантов происхождения названия паука каракурта из семейства «черных вдов». Яд этого паука, если не принять противоядия, смертелен для человека и домашних животных.

Глава шестая

Вадимир, вообще и всегда большой любитель говорить красиво и с подробностями, согласно своей привычке, так же подробно рассказал обо всех событиях, произошедших в Славене в последнее время, и о мерах защиты, которые он перед отъездом обсудил с посадником Лебедяном и воеводой Первонегом. И о том, как Гостомысл добирался до Славена, тоже рассказал, что знал. О преследовании старшего брата варягами, и о том, как удалось от преследования уйти. Хотя обо всем этом, надо полагать, уже и воевода Военег давно поведал. Буривой и сам не мог воеводу не спросить. Опасная дорога, что выпала наследнику княжеского стола, даже больного отца должна интересовать. Тем более, больного серьезно. Но и Военег все знать не мог. И потому Буривой рассказ сына слушал с видимым вниманием. И о своей опасной встрече в дороге с дружиной воеводы Даляты, из которой он так благополучно выпутался, княжич рассказать, конечно, тоже не забыл. Но, в отличие от Велиборы, отец княжича за находчивость и ловкую изворотливость не похвалил, хотя и не поморщился, показывая свое отношение. То есть, вообще никак своего отношения к действиям младшего сына не показал. Просто такие поступки были вовсе не в его духе, как хорошо знал Вадимир. Отец бы сам, в своей привычной ярости, не умея вести тонкие разговоры, как предполагал Вадимир, предпочёл бы вступить в сечу и погибнуть, чтобы не пуститься на обман. И однажды, как рассказывали другие вои, подобный случай уже был, когда Буривой с единственной сотней атаковал трехтысячное войско свеев-викингов. Тогда swei решили, что это только авангард словенской армии их атакует, и бежали. Вадимир бы на такой поступок не решился. Он повел себя иначе. Но при этом и Буривой прекрасно понимал, что Вадимир характером не в отца пошёл, и пользуется только теми человеческими качествами, которые дали ему боги для применения в жизни на земле. И иного с него спрашивать нельзя, как нельзя требовать, чтобы он вышел на бой против ведмеда с голым кулаком, как это отец делал. Но эти мысли, видимо, уже были заготовлены и отложены в голове князя в раздумьях последних дней, потому что в обычной обстановке он логически мыслить не умел и не желал, предпочитая действовать и говорить всегда спонтанно, под воздействием момента.

– Сколько варягов к Славену ушло? – вроде бы внешне почти вяло поинтересовался Буривой, хотя, если спрашивал, значит, имел интерес.

Хотя, может быть, и в самом деле спросил он вяло, потому что сил самому вершить дела, как было всегда раньше, у него уже не хватало, а то, что будут их вершить другие, и как они будут вершить, князя уже и не всегда сильно интересовало. Вместе с болью обычно подступала апатия, и не хотелось не только действовать, но даже, иногда, думать и беспокоиться. Хотелось только бездвижного спокойствия, при котором рана не беспокоит, и кровь в теле не горит. Но иногда Буривой это состояние перебарывал просто усилием воли, вспоминал, что он – князь и правитель, и с него спрос за все, что происходит.

– Больше трёх тысяч, – сообщил княжич.

– А ты, воевода, что по этому поводу думаешь? – с шумом и хрипом переведя горячее дыхание, попытавшись кашлянуть, но не сумев это сделать, спросил князь уже у воеводы Военег. Такой вопрос был уже признаком. Значит, делами ещё интересуется, хотя из-за того, что к скамье ранением прикован, и спрашивает совета. Раньше бы не совета спрашивал, а приказы рассыпал, как горох, с быстрым треском. И с чужим мнением считался бы привычно мало.

– Я недавно только воеводе Бровке говорил, что момент упускать нельзя, и в Бьярмии след спешно закрепляться... Первонег, думаю, город без нас удержит. А нам здесь время терять тоже нельзя. Когда еще варяги настолько здесь ослабнут! Бить их надо без раздумий. На то сил у нас определенно хватит...

– Хватит ли... – непривычно для себя вяло и без боевого задора переспросил Буривой.

Видимо, боль секундами подступала к телу и душе, терзала, а потом отступала. И даже в коротких словах не самого длинного разговора слышались перепады настроения князя.

– Хватит, княже... Только б ты...

– Без меня... Теперь уже, без меня... – сразу пресёк князь беспочвенные разговоры, и даже голову после этого высказывания бессильно опустил, и тяжёлое дыхание перевёл.

Буривой лучше других знал своё состояние, и не просил никакой поддержки со стороны. Он, всегда сильный, умел быть сильным во всём, и не хотел недомолвок. Как сильный человек, он и проигрывать умел, не теряя присутствия духа. И никаких утешений. Никаких лишних, необоснованных надежд. Есть только то, что есть! Можешь бороться – борись, не можешь – не тешь себя обманом, и уступи место другим, кто может. В этом был весь князь. Буривой уже смирился с мыслью, что подошло ему время уступить место тому, кто может. И он был готов к этому внутренне.

– Хватит сил, княже. У Астараты не больше трёх тысяч воев наберётся. И все разбросаны по дальним закуткам.

– И у нас столько же. И тоже разбросаны.

– Собрать не долго. Главное, тайно. Чтобы варяги подготовку не почувствовали. Ночью... Чтобы утром уже всем выступить, пока их разведчики следы ночного перехода не прочитали.

– А поведёт кто?

Воевода не думал долго, и сразу посмотрел на молодого княжича, взглядом указывая, кому предстоит вести полки.

Князь тоже долго не думал.

– Под твоим приглядом разве что... – сказал не слишком уверенно, будто сомневался в способностях младшего сына, но глаза Буривой уже ожили, и появился в них былой огонёк. Не тот, конечно, неукротимый, не обжигающее противника пламя, но лишь отдалённо напоминающий прежний. Однако и это уже значило многое. – И всё ж, он мой сын. Не чей-то, а мой! И обязан...

Вадимир, понимая о чём речь, встал из-за стола, и шире расправил плечи... Рука непроизвольно легла на крыж меча...

* * *

Велибора громко и демонстративно зевнула и отвернулась, когда открылась дверь, и вышел воевода Военег, так не вовремя завладевший вниманием её мужа. А она уже так постаралась, провела большую подготовку, и считала, что Вадимир уже почти созрел, и готов к тому, чтобы выполнять ее волю. И если бы не этот воевода, все было бы по ее желанию. Уж теперь-то, когда Вадимир остался наедине с отцом, позовут и её, поняла княжна даже заранее приняла соответствующее моменту выражение лица. Но надежды княжны оказались неисполненными. Ее не позвали. Более того, воевода вернулся уже через минуту, а следом за ним в горницу к князю Буривою один за другим потянулись другие воеводы и сотники. И все очень торопились. Так торопились, что не замечали Велибору, словно не понимали, что, возможно, проходят мимо своей будущей княгини. Впрочем, они могли и не знать, что Гостомыслу не суждено вернуться из своей дальней поездки. Однако, в любом случае, даже жена сына князя должна вызывать у них повышенное уважение. Она ведь уже не дочь рабыни. Она – княжна! И эти вои должны понимать разницу между собой и Велиборой. А они не понимают... Такое невнимание Велибору сильно задело и обидело, и она поджала пухлые губы так, что они стали тонкими и властными. А взгляд стал жестким и колючим. Ничего, подойдет время, и она будет отдавать приказы этим людям. Даже не Вадимир, а именно она. И выполнять эти приказы они будут стремглав, будут торопиться больше, нежели торопятся сейчас, когда их зовёт дикий и необузданный Буривой, выгнавший сегодня ее из своей комнаты. Пусть мягко, непривычно мягко

для себя, тем не менее, выгнавший. Это унижало княжну. К ней относились, как в дочери рабыни...

Велибора встала, и оперлась рукой о стену, демонстрируя то, что желала сказать, в надежде, что и ее внешнее поведение будет доложено князю Буривою и Владимиру.

– Если батюшка будет кликать, сказывай, что я плохо себя чувствую, и удалилась к себе... – намеренно страдающим голосом сообщила княжна дворовому человеку, по-прежнему дежурившему в сенях у княжеской двери. – Если за мной пришлют, я, *может быть*, подойду, если смогу. Так и передай. Если смогу...

Но ударение при этом она сделала не на «если смогу», а на «может быть», чтобы подчеркнуть главенство своих желаний и возможностей над всем остальным.

Впрочем, дворовый человек, опытный, и много повидавший на своём веку, никак на ее демонстрацию не отреагировал, только молча и бесстрастно кивнул, совсем не выказав уважения Велиборе. Более того, она отчётливо прочитала в этом кивке неприязнь. Она и это заметила, и это тоже решила запомнить. Она помнит все обиды, что нанесли ей словене. И всем им оплатит сторицею. Мать была их рабыней, но они тоже скоро станут рабами... Ее рабами. А это значит, что рабами Хозарии. Дайте только дождаться своего часа! И час этот близок, хотя сами словене этого не знают. Но тогда уже они будут и вести себя по другому, и думать будут по другому, и говорить будут по-другому...

Но не успела княжна выйти за порог, как дверь за её спиной открылась, и из княжеской горницы чуть не бегом выскочили три сотника. Чуть не задев её, они миновали крыльцо и поспешили куда-то в сторону, как показалось Велиборе, конюшни, откуда через минуту отчётливо послышалось лошадиное ржание и, следом за ржанием, раздался стук копыт по бревенчатому полу. Лошади у сотников стояли, судя по всему, уже под седлом, или их специально подготовили по приказу воеводы Военег, когда он выходил от князя.

Только сейчас она поняла, что в крепости что-то затевается. Что-то такое, что изменит жизнь. Но в какую сторону изменит, этого Велибора, при всей своей всегда обострённой интуиции, почувствовать не смогла. Но все события развивались не так, как ей думалось по пути сюда. Ведь она рассчитывала, что предстоит прощание с умирающим. Но на прощание с умирающим ближайших родственников собирают, а не воевод и сотников боевой дружины. Похоже, что Буривой с белым светом прощаться не собирается, и на погребальный костер не слишком торопится. Зачем же он вызвал к себе сына, когда в Славене неизвестно что происходит, когда варяги должны уже весь город обложить, когда стены защищать почти некому?

Нет, следовало все же, конечно, уйти, показав характер, хотя бы перед мужем в очередной раз, чтобы он всегда находился перед ней в состоянии ощущения вины, но не узнать при этом, что творится в крепости – этого Велибора не могла себе позволить...

* * *

Все смотрели на князя, а князь, угрюмо хмурясь, по-прежнему смотрел в столешницу. Но тишина и его, похоже, начала раздражать. И тогда он сказал:

– Я сегодня не командую. Я только слушаю, и никому не мешаю. Командует полками мой младший сын, его и слушайте...

Это было похоже на испытание. И Владимир отца понял. Встал, и начал говорить:

– Сложившееся положение вы все знаете лучше меня... Варяги отправили половину своих дружин под Славен. Там будет трудно. Там уже трудно, как я догадываюсь. Но все мы надемся, что Перун будет благосклонен к воеводе Первонегу, и поможет ему защитить город⁵.

⁵ У восточных славян бог Радегаст, защитник домашнего очага и городских стен, особой популярностью не пользовался, и потому восточные славяне полагались на Перуна.

А мы здесь остались с варягами примерно в равном положении, если не сказать, что в положении более выгодном, поскольку князь Астарата, как и воеводы Славен с Далятой, считают нас напуганными и не способными к активным действиям. И мы должны доказать Астарате и другим обратное, и так доказать, чтобы это стало памятно. Само такое доказательство служит не только делу усиления нашей позиции здесь. Это ещё и дело помощи Славену, потому что наш успех в Бярмии заставил бы варягов сняться с осады и сюда отправиться. Но тогда, в случае нашей первой победы, силы двух сторон опять окажутся приблизительно равными. А если и из Славена, когда там отобьются, к нам подмога подойдёт, даже небольшая, тогда совсем всё с ног на голову поставит. Я понятно объясняю суть?

Вадимир посмотрел на отца. Тот по-прежнему не отрывал взгляда от столешницы, слушая долгие объяснения княжича. Сам бы Буригой ни в какие объяснения не вступал. Он просто приказал бы, и его приказ поторопились бы выполнить незамедлительно. Но Вадимир иной, и он должен учиться общаться с дружиной по-своему. Ему ещё придется найти общий язык с тысячей Гостомысла, которую младший сын сам и поведет в сражение. Это опытная тысяча. Вои ходили с Гостомыслом в поход на помощь западным славянским племенам и против саксов, и против Карла Каролинга, и против данов, и против других славянских племен. Тысяча привыкла к командам княжича Гостомысла. А тот говорить любит, как Вадимир. Все объясняет. Значит, была надежда, что полк будет Вадимиру надежной опорой. Ещё бы и остальные воеводы и сотники поняли и поддержали младшего сына. Тогда можно было бы спокойно сидеть за этим столом, и не рваться душой в сечу. Но пока ещё душа рвалась, пока ещё было желание стукнуть кулаком по столу так, чтобы столешница разлетелась на щепки, и показать, что силы князя не оставили. Но, подумав так, Буригой вдруг понял, что он не сможет по столу стукнуть даже так, чтобы баклажка с мёдом подпрыгнула и перевернулась. А стол-то уж тем паче не сломает, как бывало раньше.

Княжич продолжил:

– Из всех варяжских дружин в Бярмии самая сильная сейчас у Астараты. Разбив её и не дав ему соединиться с другими дружинами, разбросанными по разным крепостям, мы сразу повернём итог войны здесь, в Бярмии, в свою сторону, и существенно, как я уже сказал, улучшим положение Славена. Однако, я не слишком хорошо знаю местную обстановку, не знаю местных крепостей и условия подхода к ним. И потому хотел бы выслушать мнение тех, кто её знает лучше. Как нам до Астараты добраться? Он стар, и захочет, как и Первонег, за стенами отсидеться. Я так полагаю...

– Обязательно захочет, – согласился воевода Бровка. – Астарата в поле уже давно не выезжал. За него это Войномир делал. И не выманить старика никакими пряниками. А нам долгую осаду устраивать ни к чему. Увязем там, как в болоте, не выберемся.

– Где сейчас старый князь? – спросил воевода Военег, помогая княжичу.

– Известно... Где ж ему ещё быть, как не в Заломовой... Крепость Заломовая самая сильная у варягов. Астарата там большой дом имеет. Не хуже, чем в Русе. И товарный лабаз держит, через сирнан с полуночными племенами торговлю ведёт... Только там его доставать опасно. Рядом ещё одна крепостица – Воробыхин чих. Мы к Заломовой подступим, из Воробыхина чиха сразу дружина Астарате в помощь выступит...

– А большая там дружина? – поинтересовался Вадимир.

– С тысячу человек будет... Хотя, наверное, поменьше. Разведчики говорили, что в полуночные крепостицы смена отбыла. Несколько небольших дружин. Всего сотни в две. Они часто одну дружину другой меняют.

– А в Заломовой?

– Там только тысяча дружины самого Астараты стоит. Но в Воробыхин чихе дружина Войномира. Сильная, опытная, ни разу не битая...

Бровка говорил о противнике с повышенным уважением.

– И все там чихают? – сердито съехидничал Военег. – Или все одного вора быют?⁶

Старому воеводе явно не нравилось, что воевода Бровка уже, кажется, настроен против военных действий, и проявляет ненужную осторожность. И других старается своей осторожностью заразить. А это опасно. Врага бояться – ратание проиграть...

– А сирнан в округе много? – непонятно к чему спросил княжич.

– Много... – не обращая внимания на Военегу, ответил Бровка. – Почти каждый день их разезды видим. Их Войномир под себя быстро прибрал. А без него они Астарате служат. Все на лыжах вокруг наших крепостиц бегают. Любое передвижение дружины заметят, и сразу Астарате донесут.

– А в город к нам заезжают?

– Знамо дело. Так то торговцы, не зверовики. Толку с них...

– Вот они-то нам и нужны. Человек бы под полсотни. Есть такие караваны? – стоял на своем княжич, и продолжал допрос.

– Бывают средка и такие.

– Что-то задумал? – сразу поднял глаза Буриной.

Князь, при всей своей прямолинейности характера, понимал, что сын может вести совсем не такую войну, какую привык вести он. Но это-то и может принести успех, поскольку варяги давно уже приучены к прямолинейным методам князя, и совсем не знакомы с методами княжича.

– Думаю вот, как «изъездом» Воробьихин чих взять... В сирнан что ль вырядиться?

– Зачем нам Воробьихин чих? – не понял воевода Бровка. Там под боком Астарата со своей дружиной. С него уж лучше и начинать. Это все и решило бы.

– И хорошо, что со своей дружиной... А мы своей малой Воробьиный чих, конечно, не захватим, но ворота захватить сумеем. И напугаем варягов. И так напугаем, чтобы они гонца успели к Астарате послать. Астарата не глуп, и тоже понимает, что по частям вверенное ему войско разбить легче. Поспешит с помощью. Или пусть там, в Воробьином чихе, сигнальный костер на вышке запалят. Пусть дружина Астараты в поле побыстрее выходит... К нашей большой дружине. Под Воробьиный чих подступим с малой. «Изъездом». Только для испугу. Запалим хотя бы ворота, и отступим в сторону Заломовой. Сбежим с поля боя. Там, как я помню, кругом лес. Есть, куда убежать. Якобы, не знали, что в крепостице большая рать. Они выйдут за нами. Не сразу, но выйдут. Посчитают, что после нам должна рать посильнее подступить, и не побоятся в сечу пойти. Варяги народ суровый, и до драки жадный. И Астарата к ним присоединится, чтоб нам пути бегства отрезать. А мы их сами отрежем и от Воробьиного чиха, и от Заломовой. А там уж, как Перун решит...

– Высоко летаешь... – усмехнулся, как кашлянул, Буриной. Но тут же, видимо, сообразил, что сын придумал хороший способ заставить старого князя варягов выйти в чистое поле и принять сражение. – Но дельно... Однако здесь всё продумать след, чтоб не ошибиться. И с чего начать думаешь?

– Со сбора всех сил... – сказал Владимир. – Надо знать, что мы имеем. С тайного сбора. Послать гонцов, и чтоб все дружины собрать сюда ночными дорогами. Встречных сирнан захватывать, и в верёвки. Не то доложат Астарате. А утром сразу и выступим.

– Пусть так... – согласился князь, и сделал знак рукой. Его знаки все знали хорошо. И тут же сотники, которые и своё дело тоже знали, побежали рассылать гонцов.

Военег смотрел на Бровку победителем. Всё-таки, Владимир – его воспитанник, и научен думать его мыслями, а – слава Перуну! – не мыслями Бровки...

⁶ Слово «воробей» произошло от полусуштливого «бей вора» – воробы воровали зерно, и их, естественно, старались прогнать.

* * *

Велибора сама не заметила, как крепко заснула. Только спиной к стене прислонилась, как усталые веки сами собой и закрылись. Думала, что это только на мгновение, думала, просто мигнула, а, оказалось, что надолго впала в сон. И проснулась только оттого, что кто-то положил ей руку на плечо. Ещё не проснувшись и глаза не открыв, она уже всё вспомнила, и сначала плечом передёрнула, руку дерзкого сбрасывая, и только потом глаза открыла. Оказалось, рядом стоит муж Вадимир.

– Пойдём, батюшка кличет.

Велибора привычно губы поджала, показывая своё недовольство. Так она обычно Вадимира наказывала. Но сейчас выражение её лица на мужа впечатления не произвело. Он даже не помог ей со скамьи подняться. Просто повернулся, и прошёл за распахнутую дверь в княжескую горницу. И Велибора вынуждена была заспешить за ним, словно боялась, что дверь перед её носом сама собой захлопнется. Даже за порогом чуть мужа не оттолкнула, и вынужденно сделала вид, что просто опирается на него.

Князь Буривой сидел все за тем же столом на скамье, застланной мехами, и локтями опираясь в столешницу, вздыбливая пальцами длинные и густущие, толстые, как лесные хмельные выюны волосы на голове. Выглядел он намного мягче в сравнении с тем моментом, когда Велибора вошла в горницу без спроса. Но глаза, что князь поднял на княжну, были усталыми и измученными. От этого вида Велиборе стало легче, пропали опасения, что напрасно она пожаловала в Карелу, и руки заученным движением поднялись, готовые приветствовать тестя, как и полагается уважительной снохе, согласно славянскому обычаю.

– Здрав ли ты, батюшка? – меж тем глупо спросила она, потому что забыла спросонья все загодя заготовленные гладкие и подходящие моменту фразы.

Буривой только усмехнулся.

– Сама, чать, видишь... Здоровее всех здоровых... Если ведмедя с собой привезла, пусть сюда тащат, позабавимся. Иди-ка ко мне, поцелую...

Она шагнула вперёд, услужливо подставляя лоб, и Буривой поцеловал её тихо, совсем без звука. Не будь губы князя такими горящими, Велибора даже не поняла бы, что он поцеловал по настоящему, а не просто пальцами лба коснулся.

– Жалуется сын на тебя, – сразу высказал князь упрёк. – Пошто не слушаешься мужа? Пошто в такую даль-дорогу отправилась супротив его воли?

– Тебя повидать, батюшка, хотела. Помочь думала, чем смогу.

– Проститься приехала, – прямо перевёл скрытый смысл Буривой. Он все прекрасно понимал, хотя и не задумывался о том, что княжить после него может кто-то, кроме Гостомысла.

Она покраснела, и не захотела откровенно признать своих чаяний. Но Буривой их чувствовал, достаточно хорошо понимая жену сына. Но упреков никаких высказывать он не привык. Каков есть человек, таков он и есть, и исправить его словами внушения, скорее всего, невозможно, потому что характер меняется только при ломающих его обстоятельствах. При очень жестких обстоятельствах. А после простых слов будет видимый обман и лицедейство, и никакой искренности. Уж где-где, а в княжеском доме, где не скоморохи живут, а правители, такого допускать никак невозможно. Там все должно держаться на честном отношении друг к другу.

– Ладно, прощаться тоже надо. Только не сейчас и даже не сегодня. Нам ещё дел много сотворить предстоит. Повидались, и иди к себе, отдыхай с пути. Тебе дитё беречь след...

Буривой откровенно хрипел, произнося последние слова, словно задышался. Велибора бросила взгляд на Вадимира. Тот в её сторону не смотрел, и потому она только поклонилась,

и, пятясь, двинулась к двери, глядя при этом в пол, как и подобает женщине смотреть в присутствии князя. И вышла бы, если бы громкий, и неестественный звук не заставил её взгляд поднять.

Буривой, опрокинув стол, упал со скамьи на пол. Владимир бросился к отцу, поднимая, и укладывая на скамью. Тут и дворовый человек, звуком привлечённый, забежал, помогать княжичу начал. А Велибора не подошла. Так и стояла, глядя на происходящее горящим взглядом, и боясь своим движением спугнуть момент её собственного приближения к власти в этой далекой от настоящего дома стране. От настоящего дома, в котором она ни разу не была, но про который так много рассказывала мать, ставшая рабыней у этих людей.

В глазах княжны светилось торжество...

Глава седьмая

Чем ближе к утру, тем сильнее начали потрескивать на морозе стволы деревьев в бес-
снежном лесу. Да ещё доспехи основательно холодили тело, хотя одевались не на голое тело,
а на тонкую и не сковывающую движения войлочную поддевку. Но долго простаивать без дви-
жения не пришлось. Подошло время активной деятельности.

Выросшие в своих лесах, лесами вскормленные, укрытые и обогретые, вагры хорошо
умели передвигаться скрытно даже численно большой дружиной. И при этом умудрялись
не шуметь ни оружием, ни доспехами, что было особенно сложно, потому что каждое кольцо
кольчуги прижать к телу, чтобы не терлось о соседнее кольцо, невозможно. Зимой, когда тёп-
лые меха приторочены к каждому седлу, это сделать гораздо легче, нежели летом. Воевода
Веслав первым дал пример, отвязав две медвежьи шкуры от луки седла, и плотно примотав
их к телу поверх доспеха, чтобы не звякнуло ни одно кольцо кольчуги и не бряцали калёные
пластины наборного нагрудного панциря. И даже медвежьи лапы, перебросив одну через дру-
гую, туго скрепил на горле, чтобы бармица тоже не брэнчала. И посмотреть при этом внима-
тельно не забыл, как другие молча его примеру следуют, словно команду воеводы слышали.
Но команда и не нужна была. Вои к таким ситуациям привычны, и каждый понимает своё
дело, как дело сохранения собственной жизни. Да, такая предосторожность, если разобраться,
и была заботой о сохранении жизни.

– Добро... – сказал Веслав, вообще-то никогда не щедрый на похвалу, себе под нос.

Полки готовились к выступлению быстро и по возможности бесшумно, хотя все знали
что полностью бесшумного передвижения дружины, одетой в металлические доспехи, про-
сто быть не может. Металл при каждом шаге коня вынужден стучаться о металл, и этот звук
можно только слегка приглушить, но никак не убрать совсем. Но и такого приглушения звука
достаточно, потому что франки должны не посторонние шумы со спины собирать, а сами,
тоже доспехами гремя, вперёд рваться, чтобы врубиться в ряды данов, большая часть кото-
рых по традиции воюет пешим строем. Франки услышат приближение вагров только тогда,
когда дружина Веслава лавиной выкатится в мощную, всё сносящую атаку. И горе тем рыца-
рям, которые не смогут развернуть коней и встретить на скорости атаку, идущую сверху вниз.
А времени и возможности развить скорость воевода Веслав франкам решил не предоставлять.
Лес слишком близко к реке подходит, чтобы успели франки разогнаться. И пусть спуск к воде
пологий, но всё-таки он есть, и его вагры используют с полным умением. А хвалёным рыцарям
графа Оливье придётся рвать шпорами конский доспех⁷, но и это не поможет лошадям разо-
гнаться в полную прыть...

Но, чтобы так случилось, следует толком подготовиться, и появиться перед врагом
неожиданно. И воевода терпеливо дожидался, когда его дружинники завершат звукомаски-
ровку, и встанут в строй за своими сотниками и воеводами, чтобы по самым неприметным
тропам выйти на лесную опушку одновременно со всеми. И только после этого дал первую
команду, махнув рукой – показал направление движения сотнику Русалко и его стрельцам.

Русалко молча кивнул, и резво направил коня в обход леска. Пусть стрельцам предстоял
самый дальний, в сравнение с остальной дружиной, и, чтобы не блуждали, Веслав выделил сло-
венам в сопровождение двух опытных проводников, воя Мирошку и десятника Носа, хорошо
знающих местность. Эти выведут точно на позицию, которую следует занять. При относитель-

⁷ Шпоры пришли в европейские армии из аварского каганата, занимавшего в то время значительное пространство в юго-
восточной Европе. Однако славяне, также имевшие дело с аварами, которых они звали обрами, шпоры долго еще не прини-
мали, считая, что использование шпор является жестоким методом управления конем, и предпочитали управлять лошадьми
с помощью пяток. Точно так же славяне относились и к плетке, тогда как европейские всадники применяли плетки, как уна-
следованное от Римской империи средство, пришедшее к ним вместе с седлом и стременами.

ной дальности пути, сотня Русалко может не соблюдать обязательных для всех остальных мер предосторожности. Их услышать сложно из-за дальности. Кроме того, словене выходят в подветренную сторону, то есть, не ими производимый шум будет до франков доноситься, а только лишь шум, производимый франками, будет доноситься до засадной стрелецкой сотни. Проводники подсказали, что там, прямо на берегу, на крутом, хотя и невысоком обрыве, есть достаточно подросший и густой ельник, где в тесноте вполне возможно поместиться сотне конников. Сам ельник не мешает быстрому выезду сотни на открытое место. Лапы у молодых елей еще слабые, не сильно цепляются за коней и людей. Там Русалко и должен ждать развития событий. А уж потом, заходя не замеченный, выехать во фланг франкам, чтобы не дать им развернуться во фронт, и использовать численное преимущество, обхватив вагров сбоку.

Конечно, сотня стрельцов в понимании Веслава, как и в понимании большинства полководцев его времени, никоим образом не могла бы решить исход сражения. И даже остановить разворачивание фланга не могла бы, хотя воевода своими глазами только накануне наблюдал ужасающий результат действий сконцентрированной части стрелецкой сотни на переправе. Но задержать франков, не дать им действовать быстро, это вполне стрельцам по плечу – так считал воевода. А любая задержка будет для франков губительной, потому что удар в спину выдержать и без того трудно. А если к этому добавляется удар сбоку, пусть и такой лёгкий, поневоле будешь и оттуда ждать более сильного удара. И это должно сковать действие рыцарей графа Оливье и вызвать в их рядах замешательство. А остальное уже на другом берегу завершит конунг Сигтрюг...

* * *

Сотник Русалко чуть-чуть натянул повод, почти до седла пригибаясь под низкой горизонтальной веткой сосны, перекрывающей выезд из леса, и в это время его обогнали проводники Мирошка и Нос.

– Теперь побыстрее... Здесь можно... – подсказал Мирошка, и Русалко, чтобы не отстать, резко толкнул пятками бока коня.

В поле не надо было тянуть на себя повод, присматриваться и пригибаться, чтобы не вылететь ненароком из седла – ветви деревьев никого не спрашивают, в какую сторону им тянуться, и любят тропы перекрывать.

Коней поторопили и остальные, потому что стрельцам необходимо было сделать достаточно большой полукруг, иначе сотня попала бы в поле зрения франкских дозоров, если такие ещё не сняты с мест по случаю продолжения марша. А гадать, сняты они или не сняты – дело неблагоприятное. Лучше лишних полчаса проскакать, чем помешать плану воеводы, который, как дружинники уже знали, может оказаться решающим в исходе всей войны.

Смёрзшаяся и пожухлая луговая трава легко гасила стук копыт, если и поскрипывала, то не настолько громко, чтобы заглушить ход сотни. Конечно, и броня гремела, но тоже не так сильно, чтобы выдать сотню пока ещё далёкому противнику.

До рассвета было ещё далеко, когда полукруг, выданный проводниками, начал завершаться. Это Русалко понял по тому, как Мирошка и Нос резко сбавили ход коней. Теперь уже и ветер, как оказалось, в лицо дул. Значит, вышли на ту самую прямую линию, что должна вывести сотню к ельнику. И Русалко в своих ожиданиях не ошибся.

– Вон тот лесок, – проводник Мирошка вытянул вперёд руку, показывая.

– За ним уже берег, и там – франки, – добавил десятник Нос. – Ваших стрел ждут.

– Успеваем, – глянув на небо, сказал сотник.

Полнотелая, серебристая луна только недавно вышла из-за туч. До опушки ельника осталось не более ста шагов, когда проводник Мирошка вдруг воскликнул уже громко:

– Франки!..

И натянул повод, останавливая коня.

Русалко тоже среагировал, и бросил короткие взгляды во все стороны. Но франков он пока, несмотря на остроту зрения, не увидел.

Сотня остановилась в ожидании, но строй не нарушила.

– На нашем месте... В ельнике... Доспехи под луной блестят... – сказал Мирошка.

– А я уже давно прислушиваюсь. Неужели, думаю, шум с берега доходит, – сказал десятник Нос. – А они тоже нам засаду приготовили. Не пойму только, с какой стати. Знают, что Веслав их догнал или это простая предосторожность?

– Узнаем скоро, – не глядя на десятника, ответил Русалко.

Сотник всмотрелся в ельник. Какие-то отблески с опушки леса в самом деле были видны. Но сказать точно, что это противник опередил их, было нельзя. И вообще, что здесь делать франкам, если они готовятся к переправе через реку?

– Ты уверен? – словенин не слишком доверился остроте взгляда вагра Мирошки.

– Франки... – подтвердил и второй проводник. – Сотня от силы. Больше в ельнике не поместится...

– А если это даны?

– У данов доспехи не чистятся. Они их под шкурами носят. У нас тоже не чистят. А франки любят, чтобы доспех блестел. И перья яркие любят.

– Ну-ну... Посмотрим...

Проверить опасения было не сложно. Гораздо легче, чем рисковать и продвигаться вперёд, не ведая, кто их там ждёт. Русалко обернулся и поднял руку.

– По одной стреле...

И показал направление.

Подготовить лук к стрельбе – дело нескольких секунд. Взять прицел даже в такую расплывчатую цель – не дольше. И, только сотник, наблюдающий за стрельцами, дал отмашку, как стрелы тонко и пронзительно засвистели, разрезая сырой, хотя и морозный, прибрежный воздух. И сразу же показалось, что колыхнулся, как покачнулся, ельник, вызвавший интерес стрельцов. И меньше минуты прошло в этом колыхании, а потом деревья будто расступились, и около восьми десятков тяжёлых франкских всадников, как на глазок определил Русалко, набирая скорость, отважно и безрассудно устремились навстречу словенам.

– Они из ума выжили, – сказал Русалко почти грустно.

– Просто они на переправе не были, – усмехнулся проводник Мирошка. – И вас в деле не видели. И никто им рассказать не докумекал, чего опасаться след.

В трусости франков во всей Европе никто и никогда не упрекал, а Европа познакомилась с франкским оружием от одного края до другого. В том, что восемь десятков пошло в атаку на сотню, ничего странного не было. При удачном разгоне могла бы получиться почти равная схватка. Но словенам сеча была не нужна.

– Ну-ну... Посмотрим, – невозмутимый Русалко повторил недавнюю свою фразу и поднял руку, после этого спокойно оглянулся, и неторопливо, почто торжественно дал вторую отмашку, на сей раз уже не сопровождаемую дополнительной командой.

Теперь стрелы полетели вразнобой, но одна за другой. Если в первый раз стволы и ветви молодых деревьев защитили большинство франков, то теперь, когда они были в чистом поле, освещаемые яркой луной, при этом сами необдуманно сокращая дистанцию до уровня прямой стрельбы, это было самоубийством, потому что никакой щит, никакой доспех не выдержит удар стрелы славянского лука. Франков за несколько коротких мгновений словно косой смело с коней.

– Вперёд, – скомандовал сотник. – Коней ловите. Коли к переправе поскачут, отстреливайте. Не отпускайте. Выдадут...

Решение было правильным. Если бы кони поскакали в лагерь франков, там могли бы поднять тревогу. Стрельцы бросились ловить утяжелённых доспехом рыцарских коней. И всё же восьмерых пришлось застрелить, чтобы не допустить их бегства...

* * *

В ельник всё же въезжали осторожно, хотя и знали, что больше там некому и быть, кроме, разве что, раненых и убитых после первых выстрелов франков – слишком уж невелики размеры молодого ельника.

– Откуда ж они взялись? – вслух рассуждал Русалко. – Этот граф, что франками командует, должен уже к переправе готовиться. А он засаду выставляет.

– Может, это не засада, может, дозор? – предположил десятник Воебуд.

– Ага... – хмыкнул стрелец Домашка. – Десяток в дозоре, остальные вестовыми при дозоре... Чтoб по одному скакать было не скушно...

– Не нравится мне это, – мрачно проворчал проводник Мирошка. – Не так всё должно бы идти... Не так Веслав задумал.

Меж тем, гадать долго им не пришлось. Ельник в длину не велик, и пересекли его от одной опушки до другой быстро. Остановились перед последними деревьями, и в просвет между молодыми елями, через подползающий с реки мутный зимний туман увидели то, что увидеть в глубине души уже опасались – франки выстроились боевым порядком лицом к подступающей дружине вагров, готовые принять основной удар, который по замыслу должен был бы быть неожиданным, и направленным в спину ведущему в сечу войску. Неожиданности не случилось. Граф Оливье не надумал переправляться через реку рядом со сломанным мостом. Похоже было, что он заранее знал, как поведут себя вагры. Он заранее знал, что они здесь, рядом. Знал, что они пойдут его атаковать. Но, может быть, произошло даже большее. Могло и так случиться, что граф Оливье каким-то способом сам вызвал сюда Веслава, чтобы ослабить защиту города.

– А где же конунг Сигтрюг? – растерянно спросил проводник Нос.

По противоположному берегу неширокой и неглубокой реки, плохо различимые сквозь туман, неторопливо проезжали дозором вооружённые всадники. Десятков пять, не больше. Разобрать, кто это, было сложно.

– Может, даны? – с надеждой поинтересовался Русалко.

– Даны не носят на шлемах перьев, – мрачно ответил проводник Мирошка. – Только рога. И никогда не цепляют на копья вымпелы. Это франки. Конунга на месте нет. И, скорее всего, его и не было. А, если и был, он уже уничтожен графом Оливье. Я слышал, что этот граф умеет воевать...

* * *

Для воеводы Веслава, подошедшего с дружиной к лесной опушке с другой стороны, боевые порядки франков оказались точно такой же неожиданностью, как и для словенских стрельцов. И воевода сразу вспомнил, что данные поступили не от своих разведчиков, а от какого-то смерда, прискакавшего, якобы, от конунга Сигтрюга на данской лошади. У лошади, как известно, национальности нет, и данскую лошадь определяют обычно по седлу. Но седло можно снять с убитой лошади или с лошади под убитым всадником, и посадить на нее кого угодно. А национальность смерда ничего не говорит. И встал вопрос о том, кто стоит на противоположном берегу. Но воевода находился от реки значительно дальше, чем сотня стрельцов с проводниками, и потому не смог различить, что за всадники едут по другому берегу. И потому решил, как и ждал, что там, где лес подступает к реке совсем близко, готовятся

к переходу переката дружины конунга Сигтрюгга. В этой ситуации Веслав отступить, естественно, не мог. Вместе с Сигтрюггом он превосходил силами франков, и атаковать был обязан. Но он не смог бы отступить и в иной ситуации, даже зная, что данов на том берегу нет, потому что противник был уже совсем близко, и не вступить в бой даже с превосходящим по численности противником, значило бы показать свою трусость. А воевода трусом никогда не был, и к воинским занятиям привык с детства. К тому же позиция, занятая ваграми, была очень удобной для атаки. Замешательство воеводы длилось всего несколько секунд. Но сразу после этого он дал команду ехавшему рядом рожечнику, и тот поднял большой кручёный берестяной рог. Сигнал прозвучал – властный и звучный, эхом уйдя через туман на другой берег, и все конные славянские полки на этом берегу вышли из леса на открытое пространство одновременно. Веслав дал только короткое время на построение, и тут же по его команде прозвучал другой сигнал. И конная лава, сначала слегка качнувшись, как тело громадного растянувшегося по берегу и сильного стального змея-чудовища, двинулась, с места набирая скорость. Небольшой уклон берега обещал вскоре сделать эту скорость чрезвычайно опасной для противника. Строй не отличался ровной линией, но виной этому были не всадники, а кони, имеющие различную резвость. Но поднятые было в начале движения копыта одновременно начали опускаться в боевое положение, и держащие их руки начали сжимать древко перед столкновением со всей возможной силой.

Франкские ряды в центре, который хорошо просматривался воеводой, стояли не шелохнувшись, готовые к столкновению. Впереди, как было заведено, щитоносцы с тяжёлыми, усиленными бронёй щитами, обычно перевозимыми в обозе и непригодными для иных целей, кроме отражения конной копейной атаки. Из задних рядов, из-за спин рыцарской конницы, полетели в наступающих стрелы лучников и камни пращников, равномерно распределённых по всему фронту. Однако они, в отличие от славянского стрелцовского кулака, не смогли нанести ваграм серьёзный урон и остановить лаву.

Но и Оливье не мог выставить щитоносцев так плотно, чтобы они закрыли всю линию хотя бы потому, что их не хватало на всех. А растягивать строй щитоносцев вообще смысла не было, поскольку они только тогда могут остановить врага и разорвать его строй, когда стоят один к другому вплотную, сомкнув края щитов и порой даже сцепив их специальными скобами. И граф поступил иначе. Щитоносцы должны были сдержать атаку только в центре. Навстречу ваграм, с двух сторон обтекая щитоносцев, тоже набирая скорость, но более медленно, потому что франкам пришлось двигаться в гору, двинулись франкские рыцари. Граф хорошо понимал, какую сложную задачу поставил перед своими рыцарями. Тем не менее, имея преимущество в численности, он растянул строй конников как можно шире, чтобы вагры, ворвавшись в него, оказались захлестнутыми флангами, и попали в положение ведущих бой на два фронта.

Столкновение конников произошло одновременно с двух флангов, и сразу смешало строй той и другой стороны. Но скорость и мощь удара вагров, атакующих сверху, были так велики, что они не просто увязли среди франков, а разрезали их строй, и прорвались до реки. Таким образом избавив себя от необходимости защищать ещё одну линию. Но левый фланг славянской конницы всё же был захлестнут франкской петлей, и там дружинникам сразу пришлось развернуться и вступить в тяжёлую сечу, просто поменявшись с противником местами. Имея за спиной реку и ожидая оттуда помощи данов конунга Сигтрюгга, вагры с трудом сдерживали плотный натиск неуступчивого противника. И с каждой минутой этот натиск удавалось сдерживать всё с большим трудом, потому что строй франков смыкался и становился более плотным.

На правом же фланге все произошло совсем не так, как ожидал граф Оливье, наблюдающий за битвой из центра. Для него этот фланг был левым, и первоначально казался наиболее надёжным. Там рыцари, пошедшие в обхват, как показалось издали, почему-то замешкались,

и двинулись совсем в другую сторону. В той стороне стояла засадная конная сотня, командиру которой приказано было вступить в бой только в самом крайнем случае, если возникнет угроза срыва разработанного графом плана. Именно из-за этой сотни граф считал свой левый фланг более сильным. Но планы на войне не всегда оправдываются. Что-то там происходило непонятное. Оливье предположил, что засадная сотня вступила в бой с каким-то из славянских полков, с той же целью высланным воеводой Веславом в этот же лесок. Естественным для рыцарей фланга было оказать своим помощь. Тем не менее, обхват вагров на этом фланге не удался. Но общей ситуации это кардинально изменить не должно было. В худшем случае, отодвигало по времени выполнение плана.

В действительности дело обстояло совсем не так. Едва около пяти сотен конников стали заходить сбоку, чтобы атаковать прорвавшихся к реке вагров, как на них самих со спины обрушился град стрел, сразу нанеся конникам большой урон. Это вызвало замешательство. Но слух о расстреле рыцарского отряда у переправы через Лабу ещё не распространился в войсках короля Карла, где все неблагоприятные слухи резко пресекались, и потому рыцари, обиженные в своих лучших чувствах, повернули направление атаки в сторону ельника, откуда стрелы и летели. Но с приближением атакующих рядов стрелы лететь не перестали. И пока франкское копьё не могло достать стрельцов Русалко, словене даже позицию не меняли, только выехали на опушку полным составом, чтобы обеспечить себе наилучшую видимость. А когда франки оставшимися двумя с половиной сотнями приблизились на опасное для словен расстояние, Русалко дал команду, и лёгкие кони стрельцов быстро развернулись. Франки увидели перед наконечниками своих копий не щиты противника, а только лошадиные хвосты. Однако отступление, так похожее на паническое бегство, было вполне организованным и совсем не паническим. Едва создалось безопасное расстояние, снова прозвучала команда, стрельцы развернули коней, и каждый успел пустить по несколько стрел до того, как пришлось опять разрывать дистанцию. Теперь уже стрельцов преследовала всего сотня франкских конников. Но в пылу атаки франки так и не поняли, насколько велики их потери. И только после следующего разворота противника, не желающего сходить в сече, франки остановились. Но было уже поздно, потому что стрельцы подняли луки. Левый фланг франкского войска перестал угрожать ваграм. Но теперь сами стрельцы устремились вперёд, чтобы помочь другим...

В центре же сражение разгоралось совсем по иному сценарию. После того, как две конные лавины сошлись на флангах, щитоносцам пришлось ждать больше минуты. Лишь перед самым столкновением они подняли свои длинные копья, уперев в землю их тупые концы. Но скорость, которую набрали конные дружинники вагров, была столь велика, что ни копья, ни щиты не могли уже остановить напор. Падали с пронзённой грудью кони, вылетали из седла всадники, сумевшие увернуться от копья или щитом отвести смертельный удар, но даже вылетали они не куда-то в неизвестность, а в строй врагов, и их тела уже становились оружием, этот строй сметающим, да и сами они стремились, если могли это сделать, встать, преодолевая боль, и вступить в схватку. И никто не натягивал поводья коня, даже если видел направленное в грудь остриё. Знали, что гибель собственная обезопасит от следующего удара других, и даст им проломить строй щитов и копий. Вагры в центре прорвались сразу, разделив вытянутый строй франкской пехоты на две части. Впрочем, Оливье и не надеялся на другое. Но за строем пехоты стоял ещё один конный рыцарский полк, возглавляемый самим графом Оливье. И граф, оценив ситуацию, дал команду на атаку. Впрочем, его атака тоже не могла быть мощной, поскольку разбега для коней не хватало. Но и конники вагров уже увязли среди пехотных рядов, и тоже скорость потеряли.

Полки сошлись в яростном гремящем ударе. Сошлись с яростью, искажая в крике лица, сошлись, чтобы победить или умереть. И это состояние присутствовало с обеих сторон.

Оливье давно уже отыскал взглядом возглавляющего центр вагров воина гигантского роста. И теперь старался пробиться к нему. С другой стороны и сам Веслав издали узнал графа

по знаменитым перьям на шлеме, и тоже, памятуя просьбу князя Бравлина, стремился к сближению. Как среди вагров не было воя, способного остановить быстрого и ловкого, с необыкновенным проворством управляющего конём, постоянно меняющего позицию графа, так и среди франков не нашлось такого, кто смог бы устоять под ударами Веслава. Франки, сначала пехотинцы, потом рыцари, один за другим падали на каменистую землю берега от его ударов. И редко кому удавалось поднять потом голову.

Два предводителя уверенно и жестоко, рассыпая тяжёлые выверенные удары направо и налево, не экономя силы, пробивали дорогу друг к другу, понимая, что их поединок может решить исход всей битвы.

И каждый надеялся решить этот исход в свою пользу...

Глава восьмая

За столом у князя Годослава всё проходило чинно и мирно. Словно нынешним утром совсем неподалеку отсюда ничего не случилось. Но весть еще не успела, скорее всего, дойти до бояр, и потому не было ни лишних вопросов, ни разговоров за спиной, как это бывает обычно.

И даже князь-воевода Дражко улыбался за столом, задирая усы к самым бровям, уверенно показывая, что ничего экстраординарного, касающегося его особы, сегодня не произошло, и он остаётся всё тем же добродушным и немного беспечным воином и человеком, каким был всегда. А то, что приехал он, чёрной тучей нахмутив брови и узду в кулаке сжимая так, что кольчужная рукавица натянулась и готова была лопнуть – это касаться никого не должно, если сам Дражко об этом не заговаривает. Мало ли, погода невесть какая князю-воеводе не нравится или стрельцы, которым он смотр давал, с потягивающейся лентой оказались... Было и прошло – погода имеет обыкновение меняться, а стрельцов можно чему-то научить, а что-то заставить делать. И внешний вид молодого, но уже прославленного военачальника никому не давал права усомниться в прекрасном его расположении духа...

Ставр, всегда избегающий общего застолья по естественной причине, как носитель волховского сана, накладывающего на своего обладателя многие ограничения, в столовой горнице вообще не объявился, и никто даже не заметил, в какой момент и в какую сторону Ставр удалился. Он всегда имел привычку удаляться незаметно, и без предупреждения, и не желал ни перед кем отчитываться, даже перед Годославом, который целиком волхву доверял, и знал, что Ставр не собственные дела улаживает, а дела княжества. Да пусть даже и собственные – иногда и это делать тоже каждому бывает необходимо. Но о собственных делах волхва никто вообще никогда не слышал, и потому люди не думали, что они у него есть, как у всякого живого человека. Рарогчане вообще даже не знали, есть ли у волхва собственное жилище, и если есть, то где оно находится. Слышали только, что Ставра ребенком привезли в своем полку словене, пришедшие на помощь отцу князя Годослава. И ребенок остался среди бодричей, когда славенский полк восвояси отправился. Остался в учениках волхва Горислава. Это говорило о том, что родительского дома здесь, в княжестве, Ставр не имел. А построил ли он себе сам какое-то жилище, купил ли, или князь Годослав подарил волхву, этого не знал никто.

Третий из опоздавших на охоту, князь Войномир, по родственному отношению и по установленному для него накануне вечером рангу, сидящий рядом с самими Годославом, казалось, был счастлив своим положением, готов был каждому улыбнуться, и всячески показывал приличную скромность и уважение младшего члена семейства к своему владетельному дяде. Причём, в этом уважении не было ничего подобострастного, что могло бы вызвать порицание или насмешку. Во-первых, потому, что такого дядю уважать стоило, и сомнения в этом никто проявить не пытался, во-вторых, потому, что Войномир и своего достоинства никак не ронял, но если бы и произошло такое, то присутствующие постарались бы этого не заметить, потому что и за собой знали немало подобных эпизодов.

Таким образом, если Годослав и получил от опоздавших какие-то важные новости, то никто из присутствующих в столовой горнице охотников никоим образом не смог понять, что это были за новости. Напрямую спросить князя или Дражко или даже Войномира никто не решился. И потому первые моменты пиршества прошли скучно и слегка натянуто, но после нескольких кубков мёда и греческого вина, как бывает всегда, языки начали развязываться и общая скованность постепенно проходила.

В прежние времена подобное застолье, и даже в этом самом доме, было явлением частым, поскольку Годослав всегда был неравнодушен и к охоте с пардусами, и к соколиной охоте, и даже порой ходил с рогатиной на медведя, когда лесные смотрители отыскивали специально

для князя берлогу. Причем, на такую охоту брал с собой только одного лесного смотрителя, который, если бы князь промахнулся с ударом, мало чем смог бы помочь ему. И мало какие дела могли помешать княжескому увлечению. Постоянные войны с близкими соседями – лютичами и лужицкими сербами, не утомляли Годослава настолько, чтобы он отказывал себе в тех мужских забавах, которые так любил. И только заботы трёх последних лет и, в первую очередь, болезнь жены, которой Годослав стеснялся, позволяли князю не часто покидать Дворец Сокола. Тем не менее, застолье выглядело возвращением к привычному образу жизни. Но большинство присутствующих за столом охотников посматривали не на хорошо всем знакомых и предсказуемых Годослава и Дражко, а на новое лицо в политике и даже в высшем обществе княжества – на князя Войномира. И во взглядах этих сквозило отнюдь не единственное любопытство...

Любое возвышение нового человека всегда порождает зависть в среде тех, кто вниманием владетеля княжества оказался обделённым, но, тем не менее, хотел бы его чувствовать. А этого хотят все в окружении князя. И одновременно с завистью у всех, практически, появляется мысль о поиске путей, с помощью которых нового члена общества можно использовать. Завистливые люди во все времена всех других делят на тех, кого использовать можно и кого использовать нельзя. Они даже тех, кого любят, всегда стремятся только использовать, и использовать как можно интенсивнее, а когда это становится невозможным, частенько пропадает и сама любовь. Сейчас объектом для изучения стал князь Войномир, доселе совершенно незнакомый бодричской знати, и потому загадочный вдвойне.

Войномир выглядел простоватым и добродушным, может быть, даже чуть-чуть наивным. Хотя простоватость далеко не всегда может становиться главным качеством в оценке. Князь-воевода тоже выглядит уж совсем простецким человеком, однако всегда в уме держит своё сокровенное, как знали все. Тем не менее, молодой князь Руяна вызвал общий интерес, сменивший вчерашнее удивление и непонимание. Порой ему задавали из-за общего стола ничего вроде бы не значащие вопросы. Больше спрашивали, не интересуясь, впрочем, ответами, о жизни в восходных славянских землях, о том, кто с кем там воюет. Войномир отвечал охотно и подробно, можно сказать, что уважительно по отношению к спрашивающим. Но порой в его голосе, особенно при рассказе о постоянной хозарской угрозе, идущей с полуденной стороны, проскальзывала такая твёрдость суждений, и взгляд при этом становился таким властным и жёстким, что всем становилось понятно – молодой князь не так прост, как кажется, и действовать с ним следует осторожно, и, желательно, обходными путями. Эти обходные пути были традиционными. И первым шагом всегда служило приглашение на обед, прозвучавшее от разных людей, сидящих в разных концах стола. Войномир все приглашения вежливо отклонил, оправдываясь тем, что вынужден уехать на Руян как можно скорее, а до этого ему следует заняться подготовкой к поезде. Причина вполне уважительная, никого не обидела, как никого и не обрадовала.

К удивлению Годослава, прислушивающегося то к одному разговору за столом, то к другому, князь Додон, до этого, как казалось, искавший Войномира взглядом, за столом даже не пытался с ним завязать более тесное знакомство, хотя сидел рядом. Так, несколько ничего не значащих фраз, и очень ненавязчивых. Одно Годослава радовало – племянник при более тесном знакомстве со знатью княжества не приобрёл ни друзей, ни врагов. А это ценное качество для политика, каким молодому князю вскоре предстояло стать. Друзья всегда могут влиять, и порой, не в лучшую сторону уводить, а враги обычно желают «подставить» неопытного придворного, и сделать из него посмешище. Чем это грозило тому, кто попробует сделать такое Войномиру, Годослав догадывался. А раздоров в обществе знати княжества он не желал, поскольку это обещало лишние заботы не тем, кто ссорится, а ему самому. Но у Годослава своих забот было выше головы...

* * *

Лесной смотритель Вратко, человек еще крепкий и внешне сильный, хотя уже и критически немолодой, приблизившись к креслу Годослава, наклонился, и через плечо громогласным шёпотом доложил, что загонщики свои места заняли, и охотникам можно выезжать к месту, где будут разворачиваться основные события нынешнего утра.

– Помнится, Вратко, ты мне еще какой-то сюрприз сегодня обещал?

– Это, княже, лучше по завершению охоты.

– Терпения не хватает. Хотя сказал бы, что приготовил.

– Мне привезли свору собак. Но их невозможно выпускать вместе с пардусами. Боюсь, они их порвут. Или порвут друг друга.

– Собаки порвут моих кошек? Не родились еще такие собаки, Вратко!

– Родились, княже. Ты сам поймешь, когда увидишь их в деле.

– Не могу представить себе собаку, которая смогла бы с пардусом справиться.

– Эти собаки дрались на равных со львами и с гладиаторами в римском Колизее.

– Что за собаки? Молоссы? Я слышал, что молоссы в Риме дрались со львами.

– Нет, княже. Это Ирландские волкодавы. Они ростом выше молоссов, и несравненно быстрее. Внешне выглядят слегка худосочными, но обладают чрезвычайной жилистой силой. Я уже посмотрел их в деле. Бегают быстрее любой собаки, хотя медленнее пардуса. И совершенно лишены страха. Готовы драться с любым зверем. Хотя лучше их использовать против волков или кабанов. Но они, как мне сказали, легко заваливают и оленя, и даже лося.

– Я слышал про таких. Сколько собак привезли?

– Одного кобеля, и трех сук.

– Кто доставил?

– Викинги с Руяна. Они только что вернулись из Ирландии⁸, и привезли оттуда собак для твоей охоты. Это подарок руян тебе, княже.

– Хорошо. После охоты мы их посмотрим. Как их обычно содержат?

– Эти собаки любят жить дома, рядом с хозяином. Они очень привязчивы к людям, и при этом не мешают им жить своей жизнью.

– Хорошо. Я горю желанием познакомиться с ними. Прикажи отправить их во Дворец Сокола. Но сегодняшняя охота все же планировалась с пардусами. Не зря же мы тащили их сюда. Они, кажется, уже предчувствуют предстоящую погоню. Идемте!

Князь встал и почти с прежним задором тряхнул гривой волос, и выглядел при этом, как царственный лев, вышедший на охоту. Ему даже дополнительно говорить ничего не потребовалось, потому что разговор князя со смотрителем слышали все сидящие рядом, а другие, кто далеко сидел, и без того поняли, что время выезда подошло, и охотники, громохкая скамьями, торопливо поднялись вслед за Годославом.

Выходил князь через ту же дверь, через которую входил. И опять вместе с ним вышли князь-воевода Дражко и князь Войномир, поскольку своих коней они оставили на попечение слуг у той же двери, где держали и княжеского скакуна. На время короткого застолья лошадей не рассёдлывали.

– Князь Додон не приглашал тебя в гости? – спросил Дражко Войномира, с неодобрением шевеля одним усом. Князь-воевода слышал множество прозвучавших приглашений,

⁸ В конце первого – в начале второго тысячелетия на острове Ирландия существовало королевство викингов, собравшее под свои знамена моряков и пиратов разных национальностей. Но правила королевством датские конунги. Именно викинги первыми распространили по Европе собак породы ирландский волкодав. До викингов этих собак вывозили единицами, и, большей частью, в Рим, где их использовали в гладиаторских боях.

но он сидел по другую сторону Годослава, и не слышал тихого разговора между Войномиром и Додоном.

– Он, наверное, единственный из ближних бояр, кто не испытал желания со мной сегодня отобедать... – усмехнулся молодой правитель Руяна.

– Не слишком ли легко Додон смирился с тем, что его лишили должности, о которой он мечтал? – на ходу, не оборачиваясь, спросил Годослав. – Это не в его обычных привычках...

– Может быть, у него есть другие планы... – предположил Дражко. – Мне он обмолвился, что думает навестить ставку короля Карла Каролинга.

– Вот туда пусть и едет, – согласился Годослав. – Карл умеет понимать людей. Додона он раскусит быстро. Плохо только, что благодаря этому князю он составит плохое мнение обо мне и обо всем народе бодричей.

– Карл Каролинг достаточно знает и тебя, княже, и меня, чтобы составить мнение о бодричах и их князьях, – ответил Дражко. – Князь Додон оставит впечатление только о себе. Таких как он, может быть, и привечают в Византии, но при дворе Карла его примут плохо.

Лошади ждали князей сразу за невысоким, в две ступени крыльцом, затейливо украшенным резными балясинами и прорезными очельями и подзорами. Привычная красота резного дерева никого не задержала. Вдеть ногу в стремя и вскочить в седло – дело нескольких секунд. Лесной смотритель Вратко был уже здесь же, и каждому из князей протянул по рогатине⁹ – самое подходящее оружие при верховой охоте не свирепого вепря, хотя и не всегда необходимое. Пардусы чаще сами справляются со своей задачей, и людям остаётся только наблюдать за тем, как большие кошки обеспечивают их обеденный стол свининой. Но рогатины предстояло использовать потом. Каждый пардус обычно убивает одну свинью, и прекращает погоню. После этого в дело включаются всадники, догоняют других свиней, и убивают их ударами рогатины.

– Большая семья? – спросил Годослав смотрителя.

– Большая, княже... Самая большая из тех, что зимуют в нашем лесу в нынешнюю зиму... Секач с тремя свиньями, и девять подросших поросят. Поросята ростом уже с матерей.

– Добро, – Годослав довольно вскинул рогатину, словно уже сейчас готов был выставить её мощное острейшее лезвие впереди конской кольчужной попоны¹⁰. – Поросята, надо думать, с весны уже хорошо повзрослели? И не только убежать умеют?

– Уже начинают выпускать клыки... И характером не обделены... Есть норов...

Семьи диких вепрей часто держатся вместе даже после того, как молодые секачи станут взрослыми, и начнут свирепо фыркать в сторону отца, хотя и не вступают с ним в схватку за первенство. Только через год, когда эти схватки начнутся, им придётся уходить, и создавать собственную семью, где верховодить будут уже они сами, и так же воспитывать клыками своих детей, как их воспитывал отец. Те, кто или характером слабоват, или по физическим возможностям за себя постоять не может, порой ещё на год остаётся под присмотром свиньи.

Лесному смотрителю рогатина по рангу не полагалась, и он легко вскочил на своего худого, но выносливого жеребца, не утяжелённого защитой, чтобы показывать князьям дорогу к мелколесью, следующему сразу за опушкой, где и должны развернуться основные события.

⁹ Рогатина для охоты на кабана существенно отличалась от рогатины для охоты на медведя, так называемой коночи, имела более длинное древко, слегка укороченное, но широкое лезвие. Как правило, охотничье оружие, используемое в княжеской или же в царской охоте, имело великолепную отделку, и являлось произведением оружейного искусства, о чем говорят экспонаты Оружейной палаты Московского кремля.

¹⁰ Охотничья кольчужная попона значительно отличалась от кольчужного вооружения боевого коня. Была более тяжёлой и длинной, чтобы защитить коня от столкновения с кабаньими клыками, и защищала не грудь и круп, а ноги и брюхо, поверху часто заменяясь попонай кожаной. Тяжесть здесь не имела существенного значения, потому что при охоте на кабана не требовалась долгая скачка и предельная быстрота коня, единственно, необходимо было жёсткое правление удилами, поэтому удила для такой охоты делались более жёсткими.

– Вперёд! – скомандовал Годослав, но поскакал вторым, уступив место ведущего смотрителю, который и должен расставлять охотников по местам.

На выезде из двора к княжеской троице присоединились другие охотники.

* * *

Охота всегда предполагает значительную роль личной удачи. Кому-то везет больше, кому-то меньше, кому-то совсем не везет. И обижаться на это глупо. И даже охота княжеская, которая значительно отличается от охоты обычной, и является именно княжеским праздником, а не чьим-то ещё. И ни для кого не было секретом, что лесной смотритель, хорошо знающий, где в настоящее время располагается семейство вепрей, расставляет охотников не на удачу, а строго в соответствии с их рангом. Так, чтобы загонщики, которым даны специальные указания, гнали свирепых диких свиней не куда-то, а непосредственно на самых знатных охотников. Более того, непосредственно на князя и его ближайшее окружение. Хотя дикие кабаны – животные такие, которые могут повести себя совершенно непредсказуемо. Они могут и убежать, но могут и на охотников бросаться. И могут бежать не туда, куда их гонят. Но все же предпочтительные места выгона определялись, как правило, удачно. И князю всегда отводилось самое вероятное место выхода семейства из леса – на окончании кабаньей тропы. Правда, место, определённое смотрителем для Годослава и сопровождающих его двух князей, сразу же не показалось слишком удобным. По крайней мере, оно было слегка тесноватым, потому что, прикрывалось с одной стороны лесом, из которого и должны были выгнать загонщики вепрей, а посередине это место пересекалось выходом заросшего кустами тёмного и сырого оврага, практически непроходимого для человека и уж тем более, непроходимого для всадника. Открытого пространства было слишком мало. Маневрировать даже при самом искусном управлении лошадью здесь было трудно, и даже всегда была возможность свалиться в овраг. Но выбор смотрителя обосновывался тем, что именно по днищу оврага секач и будет, может быть, выводить стадо из леса. Где нет прохода для пешего человека или верхового, там всегда прoderутся через кусты свирепые кабаны.

После князя Годослава, там, на выделенном месте и оставшегося в окружении двух других князей, деливших с ним сегодня стол, были расставлены и остальные охотники. Основное преимущество князя заключалось в том, что он со своей четвёркой пардусов держал узкое пространство, в то время, как остальные четыре охотничьих кошки и два кота, вывезенные боярами, были растянуты по всей лесной опушке, и первоначально могли бы действовать только в одиночку, случись всему семейству вепрей выйти в каком-то другом месте. Пардус обычно удовлетворяется на охоте единственной добычей. Хуже бывает, когда несколько пардусов, а то и все, вцепляются в одного зверя, валят его, и считают, что для них охота окончена. Но при этом пардус не в состоянии и гнать кабана долго – значит, если стадо выйдет на участке, где есть только одна кошка или один кот, другие не прибегут в помощь тому, кому улыбнется удача. И те кабаны, что уйдут от стремительных охотничьих хищников, станут добычей охотников-людей, которые погонятся верхом, и поразят кабанов рогатинами. Произойти это может где-то среди кустов или деревьев. Тогда пропадёт вся красота зрелища, поскольку оно становится недоступной для тех, на кого кабан не вышел.

Но лесной смотритель в очередной раз доказал – он всегда знает, что делает. Вратко словно бы видел заранее тот путь, который выберет секач. Так и оказалось. Прозвучал большой берестяной рог, подающий команду загонщикам, и, первоначально неслышимые для охотников, они двинулись большой цепочкой через лес. Через четверть часа звуки трещоток стали слышны отчётливо всем, и эти звуки, понятно, сходились к одному месту, к тому самому, что занял князь Годослав с князем-воеводой Дражко, князем Войномиром, слугами около выючной лошади, лесным смотрителем Вратко с помощниками, и четырьмя пешими охотни-

чьими досмотрщиками, которые держали на цепях пардусов, уже готовых к атаке на любого зверя. Именно, на любого, потому что порой пардусов использовали даже против медведя, которого несколько кошек легко сбивали с ног, и просто уничтожали за короткое мгновение.

– Божан! – требовательно позвал Годослав, голосом показывая своё напряжённое ожидание. В таком же напряжении находились и досмотрщики.

– Отпускать? – спросил Божан, натягивая серебряную цепь на шею Гайяны.

– Подожди ещё... Котят выпустите...

Божан сделал знак, и слуги осторожно опустили на землю большие корзины с котятами Гайяны, которых матери пора уже было приучать к охоте. Неуклюжая охотничья молодежь быстро проявила самостоятельность, откинула крышки корзин, и, выбравшись наружу, заспешила к Божану, который по-прежнему крепко держал на цепи их мать.

– Вот и начало... – привлекая к себе общее внимание, громко сказал Войномир, радостно показывая рукой.

Молодой олень, проламывая кусты, вырывался из леса, страшась непонятных звуков, доселе не тревоживших его слух. Гайяна возбудилась сразу, рванулась и натянула цепь сильнее, стремясь сорваться за оленем в погоню, но Божан держал кошку цепко, воткнув в землю свою рогатину, и дважды перекинув цепь через древко. С такой привязи и зверь посильнее пардуса не сразу сорвётся.

А олень, на несколько мгновений остановившись и замерев, рассмотрел угрозу спереди, и сразу назад повернул, и ещё сохранённой прыти добавил. Непонятные звуки страшны, а множество людей страшнее стократ.

– Это не начало... – спокойно, как охотник более опытный, сказал князь-воевода. – По ту сторону оврага уже два оленя пробежало. Прямо вдоль леса... Охотников видят... На них сейчас внимания обращать не стоит...

– Мелкие. Молодняк. Хорошие олени ноне перевелись, – сказал лесной смотритель, то ли князю Годославу жалуясь, то ли просто себя и свою работу жалея. – Войн много... Дружины ходят, стреляют, пугают... А олень тишину любит, и в густые леса уходит... Дальше всё и дальше...

– Но к весне ты мне хорошего оленя отыщешь, – приказал Годослав. – Весной граф Оливье ко мне в гости пожелует. Попотчевая его охотой...

– Готовьсь... – не ответив, воскликнул Вратко, заметив знак, что подал ему стоящий у края оврага помощник. – Идут... На нас идут...

Годослав, как и другие князья, натянул повод и покрепче сжал в руке древко рогатины, всматриваясь в единственное место, где кабаны могли бы выйти из оврага. И буквально через пару минут до слуха охотников донёсся треск ветвей – вопреки стремились быстрее покинуть опасное место, и проламывались сквозь кусты, не считаясь с препятствиями.

Забеспокоилась и Гайяна. Как все кошки, она не стала перебирать лапами, только вытянула слегка горбатую спину, и изредка с силой передёргивала длинным хвостом. Досмотрщик Божан подтянул серебряную цепь короче, приготовившись отстегнуть её от украшенного серебряными трезубцами широкого и толстого ошейника. Точно так же поступили остальные досмотрщики. Крупный кот был особенно силен, и досмотрщику приходилось держать цепь двумя руками, а потом и вовсе в ошейник вцепиться. Но всё же этот кот и сорвался первым, едва из истока оврага выскочил, озираясь крупный секач. Но, как все дикие свиньи, секач был подслеповат, а опытный лесной смотритель Вратко выставил охотников под ветер. И секач, даже обладая великолепным нюхом, не учуял ближних охотников. А до дальних расстояние было слишком велико, чтобы секача обеспокоить. И он громко и визгливо хрюкнул, вызывая из оврага всё стадо. Всё стадо выйти ещё не успело, когда, опережая события, вместе с цепью, мешающей ему бежать, вырвался из рук досмотрщика малопослушный кот. Годослав хотел подать запоздалую команду, но досмотрщики и сами сообразили, что опаздывают,

и почти одновременно отстегнули застёжки цепных поводков. Длинноногие стремительные кошки устремились к своей опасной добыче. Последней бежала Гайяна, но и при этом она дважды обернулась, чтобы проверить, следуют ли за ней котята. Котята бежали за матерью неуклюже, смешно, но старались не отстать, хотя это было не в их слабых силах. Да и были они ещё не в том возрасте, когда могли бы охотиться на взрослых вепрей.

Вратко требовательно глянул на князя. Годослав, понимая взгляд, как посыл, кивнул, и поднял на дыбы коня, чтобы с места взять в карьер, гикнул, и устремился вперёд вдоль края оврага. Князь-воевода с князем Войномиром почти одновременно последовали примеру Годослава, и погнали коней, игриво и грозно потрясая рогатинами. Задача стояла невыполнимая для коней – не отстать от пардусов. Это в принципе было для лошадей невозможно, но требовалось хотя бы не потерять их из вида.

Большой кот первым нагнал секача, готового уже повернуться, чтобы отбить атаку, но секач поворачивался, не останавливаясь, и потому короткие ноги не удержали тяжелое сильное тело, и кабан упал на бок как раз к тот момент, когда когтистые лапы сразу вспороли ему брюхо, а зубастая пасть сомкнулась на горле. Кот свое охотничье ремесло знал в совершенстве. И даже тянущаяся за ним серебряная цепь не помешала коту. В последний момент Гайяна доказала, что не зря является любимицей князя Годослава. Она в несколько прыжков нагнала и обогнала других кошек, и тут же ударом сборки сбила с ног крупную свинью. Еще две кошки тоже нашли себе добычу, прыгнув на высокие горбатые спины молодых вепрей.

Две оставшиеся свиньи и семеро крупных подросших поросят продолжали бег в надежде на спасение. Но как лошади не могли догнать пардусов, так и кабаны не могли убежать от лошадей. Три князя быстро догнали их, и каждый нанес по точному удару рогатиной. Но преследовать остальных не стали, потому что оставшиеся кабаны бежали в сторону других охотников. Годослав сделал рукой знак, требуя остановки...

Глава девятая

Воевода Первонег все же открыл глаза уже вскоре, хотя вой Белоус и боялся, что ему придется сидеть рядом с воеводой до самого ясного утра. Боялся он не за себя, а за Первонегу, который лежал без движений на снегу в морозную ночь. Так и обморозиться легко, и вообще заболеть можно. Тем более, в возрасте воеводы. Но, пока воевода был без сознания, Белоус, посомневавшись, все же рискнул, и сбегал к воротам. Он надеялся, что полки варягов уже полностью прорвались в город, и у городских ворот снаружи оставались сейчас только убитые варяги из числа первых, что попали под обстрел стрельцов на стенах, и убитые лошади. Даже человеку, прошедшему через суровые испытания, а Белоус прошел через них, было откровенно страшно возвращаться туда, к воротам. Избежав случайно смерти при взятии ворот русами, очень не хотелось снова со своей смертью встретиться. Однако Белоус помнил еще слова своего отца, не знаменитого, но всеми уважаемого воя княжеской дружины, погибшего когда-то в бою с урманами. Отец растил сына без матери, рано умершей, и старался сделать из него воина и настоящего мужчину, и говорил сыну незадолго до своей смерти, что сама смерть не страшна, но человеку всегда бывает страшно ожидание смерти. И это ожидание может сделать из человека труса. И потому смерти всегда следует идти навстречу, не дожидаясь, когда она начнет сама тебя искать. Тогда, по крайней мере, умрешь без уродливо корежащего душу страха. Но, избежав однажды смерти, пройдя через испытания, начинаешь ощущать, что смерть сама боится к тебе приблизиться, и ты, наверное, находишься под покровительством вышних сил. И потому становишься отважнее. Чтобы вернуться к воротам, нужно было быть отважным человеком, потому что там вполне могла дожидаться Белоуса сама смерть. Можно было бы и не возвращаться, но тогда совсем замерзнут руки. Если сразу не догадался снять с убитого воя рукавицы, следует за ними вернуться, потому что утренний мороз бывает пострашнее ночного. И пусть руки были обильно смазаны слоем оберегающего от мороза и лечашего топленого барсучьего сала. Этого все равно было мало. И Белоус пошел. Бежать ему мешали подмороженные накануне ноги. Не сильно подмороженные, но все же мешающие передвигаться. Да еще сапоги на ногах были разными. Тот, который позаимствовал у убитого варяга, сначала показался только чуть-чуть великоватым. Сейчас же показался сильно большим и неудобным. Путь от ворот казался длинным, и Белоус думал, что далеко оттащил нелегкого воеводу. Оказалось, что не слишком и далеко. В морозном утреннем мареве он, казалось, даже различил людей там, где должны быть ворота. Что там за люди, Белоус понять не сумел, и потому вынужден был подойти поближе. И с короткой дистанции уже не только увидел женщин и детей, кое-как, наспех одетых, видимо, выскочивших из горящих домов, и со страхом стоящих на деревянных досках подъездной дороги вне города, и заглядывающих в ворота. И даже издали показалось, что из ворот идет жар. Но это, наверное, только казалось Белоусу, как казалось, что ноздри улавливают запах гари. Здесь, за стенами, пока сами стены не горят, гарь уловить трудно.

Женщин и детей было около полусотни. Они полностью перекрыли дорогу. Но возвращаться в город никто не посмел. Как решиться войти в пламя, даже если в этом пламени горит все, что накопил за жизнь? Так ведь легко и жизни лишиться. Да там и не только пламя, там еще и варяги носятся на конях, разнося огонь в разные части города.

Дома тех, кто стоял за стенами, должно быть, расположенные ближе к воротам, загорелись, похоже, первыми. А от них запылали и соседние, расположенные традиционно тесно друг с другом. Так в городах повелось, строить тесно, чтобы внутри городских стен помещалось как можно больше жителей. А пожар в деревянном городе всегда явление страшное, поскольку сухое дерево вспыхивает быстро, и пламя быстро перебирается от дома к дому.

Мужчин в толпе видно не было. Или они пытались драться с русами, или они пытались сделать невозможное и потушить пожар. Может быть, хотя бы часть своего имущества спасали.

Но дым и зарево над городом уже было явственно видно, стоило отойти от стен на пять шагов. Небо еще не настолько посветлело, чтобы его не освещало пламя. И из самих распахнутых и уже сорванных ворот тянуло сильным жаром. Похоже, варяги подожгли и привратные башни. Значит, скоро пламя перекинется и на стены.

Чем-нибудь помочь кому-то из этой толпы женщин и детей Белоус не мог, хотя смотреть на них, в одночасье потерявших все, было больно и обидно. Словно бы и его вина в этом была. Но ему самому, по большому счету, сейчас тоже требовалась помощь. После упорного стремления к Славену, после тяжелой попытки спасти город, и предупредить своих, Белоус был изнеможен и обессилен. Он свою попытку спасти этих женщин и детей, пусть и неудавшуюся, уже предпринял, даже сам чуть не погиб при этом, и большего сделать уже был не в состоянии.

Разговаривать с погорельцами Белоус не стал. Он только нашел сначала убитого воя-варяга с самыми подходящими лично для него сапогами, стянул их с его ног, и тут же пере-обулся. Потом подыскал и рукавицы потеплее. И только после этого на женщин обернулся. На него смотрели с явным осуждением. И Белоус понял, что осуждают его за то, что он раздевает мертвых. Пусть и врагов, пусть и виновников несчастья этих женщин, но мертвых. К этому же добавляется, наверное, и его внешний вид княжеского дружинника. По мнению женщин, дружинник должен был быть там, где враги, должен драться с ними, как, возможно, дерутся их мужья. Может быть, даже погибнуть, но там, в городе. И не станешь же объяс-нять этим женщина, что только пришел в город, когда началось нападение, и спасал воеводу, то ли раненого, то ли сильно оглушенного, но не способного себя защитить. Всех варяги в городе в любом случае не побьют. Они обычно и цели такой себе не ставят. Кто-то наверняка вырвется. И немало вырвется с оружием или без оружия. И этих людей необходимо будет объ-единить, ими необходимо будет управлять. После того, как сгорит Славен, сами словене оста-нут, они никуда не исчезнут. Да и вообще не все словене живут только в одном городе Сла-вене. И вообще не тот враг варяги, которые всех живых постараются уничтожить. Это не свеи, норманны или даны, которые, если победят, то угоняют оставшихся в живых на невольничьи рынки. Русы все же близкий народ-брат. Есть, конечно, и братьям что делить. Но не уничто-жать же при этом друг друга. Сами словене, бывало, пару раз сжигали Русу. А Руса восстанав-ливалась. И Славен восстановится, – был уверен Белоус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.